

ПИТЕР БЕНЧЛИ

ЧЕЛЮСТИ

**New York Times
bestseller**

Продано более
20 миллионов
экземпляров

Роман-легенда,
породивший
культовую
кинофраншизу

Кинопремьера мирового масштаба

Питер Бенчли

Челюсти

«ЭКСМО»

1974, 2002

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бенчли П.

Челюсти / П. Бенчли — «Эксмо», 1974, 2002 — (Кинопремьера мирового масштаба)

ISBN 978-5-04-110495-5

Роман, ставший основой легендарного фильма Стивена Спилберга. Фильма, который открыл «эру блокбастеров» и навсегда изменил облик голливудской киноиндустрии. Похоже, курортному городку Эмити придется распрощаться с беззаботной размеренной жизнью. Найден труп пропавшей накануне девушки – она растерзана акулой. Шеф местной полиции Мартин Броуди закрывает пляжи во избежание новых трагедий, однако городские власти отменяют его решение и делают все, чтобы скрыть факт жуткой гибели: ведь Эмити живет туристическим бизнесом. Но акула не уходит, она кормится здесь. И вот – новые жертвы. Чтобы справиться с хищником, приглашен специалист по акулам Мэтт Хупер. И если морское чудовище терроризирует весь городок, то появление Хупера несет опасность лично для Броуди...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110495-5

© Бенчли П., 1974, 2002

© Эксмо, 1974, 2002

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Питер Бенчли

Челюсти

Посвящается Венди

© Найденов В.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

«Челюсти» – плод моей давней детской страсти.

Как и миллионы других детей, я с ранних пор восхищался акулами. Поскольку лето я обычно проводил на Нантакете, острове, расположенном в Атлантике, в тридцати милях от моего дома, я имел возможность регулярно потакать своей страсти. В 1940-е и 1950-е годы воды вокруг Нантакета были богаты фауной, и там, в том числе, водилось множество видов акул: песчаные, голубые, мако и большие белые. Хотя о последних я в то время не знал. Когда в безветренную погоду мы с отцом и братом отправлялись на рыбалку, то часто видели, как поверхность воды разрезают спинные и хвостовые акулы плавники. Мне они напоминали о чем-то неизвестном и таинственном, о невидимой опасности и бессмысленной жестокости.

В подростковом возрасте и когда мне было чуть больше двадцати, я прочитал большую часть всей имеющейся тогда литературы по акулам. Надо отметить, что написано было не так уж много. А в 1964 году я прочитал в газете о рыбаке, который у берегов Лонг-Айленда загарпунил белую акулу весом в 4500 фунтов¹. Помню, как в то время у меня в голове мелькнуло: «Боже мой! А что, если одно из этих чудовищ заплывет в курортную зону? И будет там рыскать?» Но потом на какое-то время я забыл об этом...

Затем, в 1971 году, вышел документальный фильм под названием «Открытое море, Белая Смерть». В нем рассказывалось об экспедиции Питера Гимбела, владельца универмага и профессионального путешественника, который решил отыскать и снять на пленку белую акулу. И тогда, и сейчас «Открытое море» для меня остается лучшим фильмом об акулах. В том же году была издана замечательная книга Питера Мэттиссена «Голубой меридиан» об этой экспедиции. Упомянутые два события не только укрепили мое восхищение акулами, но заодно и расшевелили в моей голове повествовательную жилку.

У меня не было интереса написать одностороннюю историю о нападениях акулы на людей. Я сосредоточился на том, что на самом деле может произойти, если в курортных водах вдруг появится огромный хищник. И подумал, что местные власти, наверное, прежде всего, попытаются умолчать об этой проблеме в надежде, что акула уплывет. Некоторые курортные городки зарабатывают за три летних месяца львиную долю (80–90 %) своих годовых доходов. Поэтому паника, возникшая в результате появления (и нападения) акулы, могла свести на нет весь летний бизнес. Естественно, после второго или третьего нападения акулы скрывать это будет уже невозможно.

Кто является представителем власти в таком городке? Ну, вероятно, шеф местной полиции. Разве не любопытно, если такой человек, к примеру, боится и даже терпеть не может воду? Какая у него жена? Есть ли у них дети? Разве они не обратились бы за помощью к специалистам? Скажем, к морскому биологу, который, со своей стороны, стремится, прежде всего, лучше изучить акулу, ее повадки, но ни в коем случае не убивать ее. И как на описанные события отреагировал бы городок?

И все эти вопросы, к которым потом добавилось множество других, не давали мне покоя, когда я начал рассказывать историю самому себе. Вскоре история получила развитие, начала обрастать новыми подробностями, а персонажи вырвались из задуманной для них канвы и зажили своей жизнью. Мне приходилось как-то сдерживать их «прыть», беседовать с ними и переопределять их цели и места назначения.

В то время, когда я писал «Челюсти», движения за охрану окружающей среды – в том виде, в каком мы знаем его сегодня, – просто не существовало. Да, было некое движение за спасение китов; да, люди понимали, что загрязнение воздуха и воды представляет собой боль-

¹ Фунт – ок. 450 г.

шую проблему; было известно, что пестициды и прочие токсины признаны опасными для птиц и рыбы. Но для населения в целом океаны оставались такими же, как и всегда, – чистыми, вечными и неуязвимыми, независимо от того, чем человечество засоряло и продолжает их засорять. Что же касается акул... лишь горстка людей на планете знала о них хоть что-нибудь. Большинство же, особенно рыбаки и ныряльщики, твердо верили лишь в одно: хорошая акула – это мертвая акула.

Я гордился тем, что знал об акулах гораздо больше, чем простой обыватель. Но тем не менее поддался на разного рода слухи и басни по поводу акул. А таких историй было множество. Нападали ли акулы на лодки? Конечно, нападали. А на людей? Можете не сомневаться! Я читал о десятках нападений акул. Оставались ли они в одном и том же месте, продолжая охотиться и убивать – до тех пор, пока сами не были пойманы и убиты или пока не закончились запасы пищи? Да, черт побери, все верно. Помните акулу, которая в 1916 году поднялась вверх по реке и растерзала в Нью-Джерси четырех человек? Журналистов, которые брали у меня интервью, я вновь и вновь заверял, что каждый инцидент с акулой, описанный в «Челюстях» (именно в книге, а не в фильме!), происходил на самом деле. Но не с одной и той же акулой, а с разными, причем на протяжении ряда лет и в разных точках Мирового океана. И я был вполне корректен: каждый эпизод, описанный в книге, так или иначе, имел место... Просто причины могли оказаться совсем другие, равно как и результаты, которые стали плодом моего воображения.

Лишь с годами я начал лучше понимать биологические и поведенческие особенности любых акул в целом, и в частности больших белых. Изучал я их медленно, дотошно, зачастую в компании с учеными, рыбаками или дайверами, и каждое сделанное мной открытие было захватывающим, хотя и тревожным. Один из первых усвоенных мной уроков заключался в том, что акулы не только сами не ищут и не нападают на людей, но и всячески избегают людей. Ведь мы в конце концов крупные, шумные, уродливые чужаки, которые, насколько известно акуле, могут представлять смертельную опасность. Поэтому челюсти свои они пускают в ход крайне редко. Мы даже не нравимся им на вкус: большие белые акулы часто выплевывают людей, потому что они слишком костлявые и в них слишком мало жира (по сравнению, например, с теми же тюленями).

Изучив опыт десятков экспедиций, сотен погружений и бесчисленных столкновений с разнообразными видами акул, я осознал, что ни за что не смог бы написать «Челюсти» сегодня. Я никогда бы не смог демонизировать животное, особенно такое, которое значительно старше и намного успешнее в своей среде обитания, чем был или будет человек, – животное, которое жизненно необходимо для природного баланса в море, животное, которое мы рискуем – если только не изменим собственное деструктивное поведение – полностью уничтожить, стереть с лица земли.

По мере того как роман «Челюсти» готовился к публикации, мои амбиции были более чем скромными. Я понимал, что в чисто коммерческом отношении книга, скорее всего, успешной не будет. С одной стороны, это мой первый роман, и, за редкими исключениями (например, «Унесенные ветром»), первые романы обычно расходятся плохо, и книги долго пылятся на полках книжных магазинов. С другой стороны, это был к тому же первый роман о рыбе, и я не мог припомнить ни одного такого романа, который имел бы коммерческий успех или встретил радужные оценки критиков. Кроме того, я знал наверняка, что никто и никогда не снимет по этой книге фильм, потому что поймать и выдрессировать большую белую акулу просто невозможно, а киноиндустрия еще не настолько развита, чтобы достоверно воссоздать правдоподобный образец или механическую версию такой акулы.

Книга была издана весной 1974 года и получила довольно благоприятные отзывы. А некоторые читатели и рецензенты даже, что называется, дали маху. Например, Фидель Кастро в интервью для Национального общественного радио заявил, что «Челюсти» (в испаноязычных

изданиях «Tiburón»²) стали чудесной метафорой порочности капитализма. Другие критики описали его как аллереорию на Уотергейт³ и классическую историю мужской дружбы.

Вскоре после публикации «Челюсти» вошли в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и не покидали его в течение сорока четырех недель. Однако до первого номера в этом списке моя книга так и не добралась (место никак не уступала никудашная книжка про кроликов – «Обитатели холмов»). А вот с изданием в мягкой обложке все сложилось совершенно иначе. На протяжении нескольких месяцев книга была лидером всех мировых рейтингов. Только в Соединенных Штатах было продано более девяти миллионов копий. Но такой успех был отчасти связан с подготовкой и выпуском одноименного фильма, с блестящей рекламой, принятой издателем и кинокомпанией, а также с феноменальным везением.

Я получил огромное удовлетворение от отзывов читателей, в которых они писали о том, что «Челюсти» стали их первой взрослой книгой. Она научила их тому, что чтение – весьма увлекательное занятие; «Челюсти» пробудили в них интерес к морской биологии (мне написали несколько преподавателей, которые растут аспирантов в сфере океанологии в целом и в области изучения акул, в частности, приписывают непосредственно успеху книге и фильма); «Челюсти» пробудили в них подлинный интерес к акулам, им даже захотелось вступить в ряды защитников природы. Каждый год более тысячи молодых людей, которые на момент издания и выхода книги еще даже не родились, делятся со мной своими опасениями по поводу снижения популяций акул в мире и спрашивают, как помочь спасти этих потрясающих животных, которых они по-настоящему открыли для себя именно в моей книге.

«Челюсти», по сути, круто изменили мою карьеру. Последние десять лет или около того я работал в области охраны морской среды, посвящая этому почти все свое время. И до сих пор считаю дайвинг вместе с крупными существами едва ли не самым увлекательным занятием. И готов бросить все ради возможности погостить у белых акул под водой. Не знаю, много ли мне удастся добиться – и никто, наверное, не знает. Однако после всего того, что мне в жизни дали акулы, я бы чувствовал себя крайне неблагодарным человеком, если бы не отдал им что-нибудь взамен.

В 1973 году, еще до издания книги, я встретился с Ричардом Д. Зануком и Дэвидом Брауном, продюсерами, для которых кинокомпания «Юниверсал Пикчерс» купила киноправа на «Челюсти». Надо сказать, я очень благодарен тому, что судьба свела меня с этими людьми (а позже нам всем чрезвычайно повезло, что мы попали в цепкие руки двадцатилетнего гения по имени Стивен Спилберг, хотя на тот момент никто еще не понимал своего счастья). Ричард и Дэвид не только оказались очаровательными, добродушными и умными людьми, за плечами которых многолетний опыт работы в кинобизнесе, но они также регулярно нарушали два из самых незыблемых клише Голливуда: они не лгали и отвечали на телефонные звонки.

Я никогда не писал сценариев, но все же попросил об этом и получил разрешение написать для «Челюстей» первые два черновых варианта. На нашей первой встрече после обычного обмена шутками Ричард Занук заявил (здесь я немного перефразирую): «Этот фильм от начала и до самого конца будет приключенческим, и поэтому нам нужно, чтобы вы удалили всю романтику, все, что связано с мафией, – все, что может отвлечь читателя».

Я понимаю, что тот, кто никогда не читал «Челюсти», а смотрел только фильм, сейчас хмурится и недоумевает. Я даже слышу, как вы ворчите: «Романтика? Мафия? О чем он? Куда все это подевалось?»

² Акула (*исп.*).

³ Государственный скандал 1972–1974 гг. в США, когда перед президентскими выборами 1972 г. оказалось, что политические конкуренты Демократической партии используют незаконные методы получения стратегической информации; переизбранный на второй срок президент от Республиканской партии Р. Никсон, в пользу которого предположительно осуществлялась нелегальная деятельность (это не было окончательно доказано), препятствовал расследованию и вынужден был оставить президентский пост.

Вот вы почитайте – и узнаете все сами.

Часть первая

Глава 1

Короткими взмахами серповидного хвоста гигантская рыба бесшумно рассекала ночную воду. Пасть рыбы была приоткрыта, пропуская в жабры достаточное для дыхания количество воды.

Ее движение было ровным и размеренным. Лишь изредка рыба меняла направление своего явно бесцельного перемещения, слегка приподняв или опустив один из грудных плавников. Как птица, которая меняет направление полета, опустив одно крыло и приподняв другое. Во мраке ночи ее глаза не различали ничего, а от прочих органов чувств примитивный мозг рыбы не получал никаких сигналов.

Могло показаться, что рыба спит, если бы не постоянное движение, обусловленное миллионами лет существования этого вида и его борьбы за выживание. Ввиду отсутствия плавательного пузыря, как у других рыб, а также околожаберных плавников, прогоняющих через жабры насыщенную кислородом воду, она вынуждена находиться в беспрестанном движении. Неподвижность означала бы для такой рыбы неминуемую гибель от нехватки кислорода.

Нынешняя ночь выдалась безлунная, и берег почти сливался с водой. Море от берега отделяла лишь длинная ровная полоска пляжа. Такая белая, что казалось, будто она светится. Из дома, расположенного за поросшими редкой травой дюнами, на песок падали желтые блики.

Наружная дверь дома открылась, и на деревянное крыльцо вышли мужчина и женщина. Некоторое время они молча вглядывались в морскую даль, затем быстро обнялись и спустились по ступенькам на песок. Мужчина был пьян. Шаги его были нетвердыми, и на нижней ступеньке он споткнулся. Женщина рассмеялась, подхватила его под руку, и они вместе побрели к пляжу.

– Сперва в воду! – сказала женщина. – Тебе нужно искупаться, чтобы в голове прояснилось.

– Далась тебе моя голова! – усмехнулся мужчина. И, посмеиваясь, опустился на песок, увлекая за собой женщину.

Они в спешке сорвали друг с друга одежду и слились в страстных объятиях.

Потом мужчина лег на спину и закрыл глаза. Посмотрев на него, женщина улыбнулась.

– Ну что, идем купаться? – спросила она.

– Иди, иди. Я лучше тебя здесь подожду.

Женщина поднялась и направилась вдоль берега, поближе к кромке воды. Ноги ее омывала прибойная волна. Вода была холоднее, чем ночной воздух. Впрочем, неудивительно, ведь еще была середина июня. Обернувшись, женщина крикнула:

– Уверен, что не хочешь пойти вместе со мной?

Ответа она не услышала – ее приятель уже заснул.

Женщина хотела было вернуться, однако потом снова метнулась к воде. Бежала легко, красиво, пока небольшая волна не ударила ее по коленям. Слегка покачнувшись, она все же устояла и шагнула в следующую волну, повыше. Теперь вода доходила ей до бедер.

Женщина откинула назад падавшие на глаза волосы и двинулась дальше. Войдя в воду по плечи, она поплыла. Резкие движения и голова над водой выдавали в ней неопытного пловца.

Плывущая всего в сотне шагов от берега огромная рыба почувствовала изменение в спокойном ритме моря. Нет, она не заметила женщину, не ощутила ее запаха. Но вдоль тела рыбы тянулось множество тонких каналов, наполненных особым веществом, чувствительные клетки

которого улавливали мельчайшие колебания в воде и посылали сигналы мозгу. Рыба повернула к берегу...

Женщина продолжала плыть, удаляясь от пляжа. Она то и дело оглядывалась, проверяя в тусклом свете, струящимся из окон, не слишком ли далеко она отдалилась от берега. Течение было несильным, и ее никуда не сносило. Подустав, женщина легла на спину и, немного отдохнув, повернула обратно.

Теперь колебания воды усилились, и рыба почуяла добычу. Взмахи ее хвоста участились, проталкивая гигантское тело вперед с такой скоростью, что в воде вспыхнули крохотные фосфоресцирующие организмы, создающие подобие искрящейся мантии.

Сблизившись с женщиной, рыба проскользнула мимо нее совсем близко, всего в десяти-двенадцати шагах. Женщина ощутила лишь сильную волну, которая чуть приподняла ее, а потом снова отпустила.

На мгновение она замерла, затаив дыхание, но ничего странного не обнаружила. И тогда снова поплыла, резко взмахивая руками.

Теперь рыба почуяла ее, и колебания воды – неравномерные и резкие – сигнализировали о том, что добыча близко. Совершая круги, она начала подниматься к поверхности. Спинной плавник уже торчал над водой, а хвост могучими ударами вспенивал воду. Рыбу то и дело сотрясала дрожь.

Женщине вдруг стало страшно, но отчего – понять она пока не могла. Кровь переполнилась адреналином, покалывания и тепло в конечностях заставили ее плыть еще быстрее. По ее прикидкам, до берега оставалось футов⁴ пятьдесят, не больше. Она даже заметила полоску белой пены там, где волны накрывали берег, видела свет в доме, даже чью-то тень в окне. Это ее слегка успокоило. Правда, ненадолго...

Рыба проплыла в сорока футах от женщины, обойдя ее сбоку. Потом резко дернулась влево, нырнула и, дважды ударив хвостом, устремила к своей добыче.

В какой-то момент женщине показалось, что она ударилась ногой о камень или корягу. Боли поначалу не почувствовала, только вот сильно дернулась правая нога. Она хотела дотянуться до ступни, но при этом энергично работала другой ногой, чтобы оставаться на поверхности. Она шарила левой рукой в темной воде, потом, так и не нащупав свою ступню, провела рукой повыше и... едва не потеряла сознание. Ее пальцы наткнулись на сломанную кость и обрывки мышц. Тут до нее дошло, что теплая пульсирующая струя, которую она явственно ощутила в прохладной воде, – ее же собственная кровь!

Ее захлестнули нестерпимая боль и ужас. А из груди вырвался вопль отчаяния.

Рыба, между тем, ненадолго отплыла в сторону. Она проглотила ступню, не прожевав, и кости с мясом моментально оказались у нее в пищевode. Потом она повернула обратно, ориентируясь уже на кровь, хлеставшую из изуродованной ноги женщины. Такой ориентир был для рыбы ничуть не хуже, чем для моряка – маяк в безоблачную ночь. В этот раз рыба атаковала снизу. Она ринулась вверх, широко разинув пасть. Огромная конической формы голова ударила с такой силой, что женщину даже выбросило из воды. Мощные челюсти тут же ухватили ее за торс, круша кости, разрывая сухожилия с мышцами и перемалывая все это в сплошное кровавое месиво. Не выпуская добычу из страшной пасти, рыба плюхнулась в воду, подняв целый фонтан пены, крови и светящихся микроорганизмов.

Под водой рыба завертела головой, перепиливая и перекусывая сухожилия и мышцы острыми, как бритва, треугольными зубами. Тело женщины развалилось на куски, и рыба с жадностью их заглатывала. Ее мозг пока еще фиксировал сигналы о близкой добыче, но она не могла определить их источник и металась из стороны в сторону в мутном кровавом облаке, открывая и закрывая пасть, хватая все подряд. А когда облако рассеялось, большая часть истерзанного

⁴ Фут – ок. 30,5 см.

тела исчезла. Какие-то куски медленно опускались на песчаное дно, и там их увлекало за собой течение. Несколько кусков плавало у самой поверхности воды, и волны постепенно относили их к берегу.

Мужчина проснулся, поежившись от утреннего холода. Во рту у него стало липко и сухо, а в голове все смешалось от выпитого накануне виски и кукурузной водки. Солнце еще не поднялось, хотя розовая полоска на горизонте намекала на то, что рассвет уже скоро. На светлом небе слабо мерцали звезды. Мужчина встал и начал одеваться. Он был раздражен, что женщина не разбудила его, когда вернулась в дом. Но ему показалось странным, что она оставила на пляже одежду. Он собрал ее и направился к дому.

Пройдя на цыпочках по веранде, он осторожно приоткрыл дверь, так как знал, что, если сделать это резко, она заскрипит. В гостиной было темно и пусто, на столе стояли недопитые бокалы, пепельницы с окурками и грязные тарелки. Он пересек гостиную и, повернув направо по коридору, миновал две закрытые двери. Дверь в их комнату была открыта, на тумбочке у кровати горела лампа. Обе постели были застелены. Он швырнул одежду женщины на одну из них, вернулся в гостиную и включил свет. Оба дивана оказались пустыми.

В доме было еще две спальни. Одну занимали хозяева, другую – еще одна, кроме них, пара гостей. Стараясь не шуметь, мужчина приоткрыл дверь в комнату гостей. Здесь стояло две кровати, и на каждой из них лежал только один человек. Он закрыл дверь и направился в следующую комнату. Хозяин и хозяйка спали в огромной постели – каждый на своем месте. Мужчина прикрыл дверь и вернулся к себе, чтобы взглянуть на часы. Было около пяти.

Он сел на кровать и устался на кучку одежды на соседней кровати. Теперь он удостоверился, что женщины в доме нет. Других гостей на ужине не было. Если только она не повстречалась с кем-нибудь на пляже, пока он спал. Но если бы она даже и ушла, подумал он, ведь наверняка захватила бы хоть что-нибудь из одежды.

Только теперь позволил себе допустить мысль о несчастном случае. Очень скоро такое предположение превратилось в уверенность. Он вернулся в спальню хозяина, постоял недолго у изголовья кровати, после чего осторожно положил руку ему на плечо.

– Джек, – сказал он, похлопывая рукой по плечу. – Эй, Джек!

Мужчина вздохнул и открыл глаза.

– Что?

– Это я, Том. Терпеть не могу вот так тебя будить, но у нас, кажется, проблема.

– Что за проблема?

– Ты видел Крисси?

– Что ты хочешь этим сказать? Она ведь с тобой.

– Со мной ее нет. Ну, то есть, я не могу ее найти.

Джек поднялся, сел и зажег свет. Его жена заворочалась, потом натянула одеяло на голову.

– Господи, да ведь уже пять утра, а ты все не можешь отыскать свою пассию.

– Знаю, – сказал Том. – Прости, конечно, но ты помнишь, когда видел ее в последний раз?

– Естественно, помню. Она сказала, что вы пошли искупаться, и вы вместе вышли на крыльцо. Сам-то ты когда видел ее в последний раз?

– Там... на пляже. Просто потом... я уснул. Ты хочешь сказать, она не возвращалась домой?

– Ну, я ведь ее не видел. Может, просто не застал. Мы легли спать около часа ночи.

– Я наткнулся на ее одежду.

– Где? На пляже?

– Да.

– А в гостиной смотрел?

– Да. И еще в комнате Хенкельсов.

– Ты заходил к Хенкельсам?!

Том покраснел.

– Видишь ли, я знаю ее не так уж давно. И, насколько могу судить, это девица со странностями. Впрочем, Хенкельсы тоже. Ну, то есть я не намекаю, не подумай... Просто захотелось осмотреть весь дом, прежде чем тебя будить.

– Ну, а теперь-то что?

– Начинаю склоняться к мысли... – сказал Том, – не стряслась ли с ней беда. Может, она утонула?

Джек посмотрел на него, затем снова покосился на часы.

– Точно не знаю, когда в этом городишке начинает работать полиция, – озабоченно проговорил он, – но мне кажется, выяснить это можно прямо сейчас.

Глава 2

Патрульный Лен Хендрикс сидел за столом в полицейском участке Эмити и читал детектив «Живой не дамся». Когда зазвонил телефон, главную героиню Свистульку Дикси как раз собралась изнасиловать целая банда злобных байкеров. Хендрикс не снимал трубку до тех пор, пока Дикси не кастрировала первого из нападавших ножом, который заранее спрятала у себя в волосах.

Наконец Хендрикс поднял трубку.

– Полиция Эмити, патрульный Хендрикс, – представился он. – Чем могу помочь?

– Это Джек Фут, я живу здесь неподалеку, на Олд-Милл-роуд. Хочу заявить о пропаже человека. Ну, или, по крайней мере, я думаю, что она пропала.

– Можете повторить, сэр?

Хендрикс служил во Вьетнаме радистом и обожал военные словечки.

– Эта девушка – одна из моих постояльцев, – объяснил Фут. – Примерно в час ночи пошла купаться. Но до сих пор не вернулась. Ее приятель нашел ее одежду на пляже.

Хендрикс начал быстро записывать в блокнот.

– Как ее зовут?

– Кристина Уоткинс.

– Сколько ей?

– Не знаю. Хотя погодите-ка! Лет двадцать пять. Ее приятель тоже так считает.

– А рост и вес?

– Минутку. – Последовала пауза. – Наверное, около пяти футов семи дюймов⁵, а вес – сто двадцать – сто тридцать фунтов.

– Цвет волос и глаз?

– Послушайте, да зачем все это? Если утонула женщина, надо полагать, она одна такая сегодня. Разве не так? Вы ведь, надеюсь, не вытаскиваете здесь по дюжине утопленников за вечер?

– А кто говорит, что она утонула, мистер Фут? Может, просто пошла погулять куда-нибудь.

– Погулять? В чем мать родила?! В час ночи? Вам кто-нибудь сообщил, что где-то рядом разгуливает голая женщина?

Хендрикс воспользовался шансом показать свою выдержку.

– Нет, мистер Фут, пока нет, – невозмутимо ответил он. – Но когда начинается летний сезон, никогда не знаешь, чего ожидать. К примеру, в августе прошлого года какие-то педики-недоделки устроили пляски перед клубом. Нагишом, понимаете? Итак, цвет волос и глаз?

– Волосы... Кажется, светлые. Или, скорее, рыжеватые. А вот какого цвета у нее глаза, я не знаю. Сейчас спрошу у ее парня. Да нет, он тоже не знает. Ну, скажем, карие.

– Хорошо, мистер Фут. Мы займемся этим. Как только выясним что-нибудь, свяжемся с вами.

Хендрикс повесил трубку и поглядел на часы. Пять десять утра. Шеф встанет не раньше, чем через час, и Хендриксу не очень-то хотелось будить его только из-за весьма смутных показаний о пропаже. Не исключено, что девчонка кувыркается в кустах с каким-нибудь парнем, которого встретила на пляже. С другой стороны, могла ведь и утонуть... Если ее тело вдруг выбросило волной на берег, то шеф Броуди предпочел бы поскорее заняться этим делом. Иначе утопленницу обнаружит какая-нибудь няня с кучей ребятишек. Тогда пиши пропало: она ведь взбаламутит весь городок!

⁵ Дюйм – ок. 2,5 см.

«Рассудительность и здравомыслие – вот что требуется добротному полицейскому», – то и дело повторял ему шеф. Здесь надо уметь поработать головой. Собственно, эта перспектива и заставила Хендрикса после возвращения из Вьетнама поступить в полицию Эмити. Жалованье платили неплохое: сначала девять тысяч долларов, а после пятнадцати лет службы – пятнадцать тысяч плюс разные льготы. Полицейская служба давала материальное благополучие, нормированный рабочий день, а также возможность заняться чем-то более интересным, чем гонять хулиганов или таскать за шиворот всякую пьянь. Можно было окунуться в реальное расследование, например распутать дело об ограблении или поймать насильника. Например, прошлым летом чернокожий садовник изнасиловал семь белых женщин, ни одна из которых так и не заявила на него. В общем, эта служба давала возможность обрести уважение в обществе. К тому же работать полицейским в Эмити не слишком опасно. Не то что в большом городе. И последний раз местный полицейский погиб аж в 1957 году. Он попытался остановить пьяного водителя на шоссе в Монток, но был сбит машиной и разбился насмерть о каменную стену.

Хендрикс был убежден, что как только закончатся эти скучные дежурства с полуночи до восьми утра, то он по-настоящему полюбит свою работу. Но пока что это была просто тоска смертная. Он отлично понимал, почему ему достались эти поздние дежурства. Просто Броуди нравилось нагружать своих молодых подчиненных постепенно, давая возможность выработать необходимые для полицейского качества – здравый смысл, рассудительность, выдержка и вежливость. Причем в такое время, когда они не слишком перегружены служебными делами.

Смена с восьми утра до четырех часов дня требовала и опыта, и определенных дипломатических способностей. В эту смену работали шесть человек. Один регулировал движение транспорта на перекрестке Мейн и Уотер. Двое патрулировали улицы в полицейских машинах. Четвертый отвечал на телефонные звонки в полицейском участке. Пятый занимался канцелярской работой. Ну, а шеф занимался публикой: разными дамочками, которых допекал постоянный шум, доносящийся из двух забегаловок, – «Рэнди-медведь» и «Сэксонс» не закрывались и ночью; домовладельцами, которые жаловались, что на пляжах полно всякого отребья, нарушающего спокойствие; банкирами, брокерами и юристами, захавшими сюда отдохнуть. Они заходили поговорить с ним о том, как сохранить Эмити в первозданном виде и заодно превратить этот городишко в превосходный летний курорт.

Самой беспокойной считалась смена с четырех до полуночи. В это время молодые бездельники обычно собирались в баре «Рэнди-медведь», устраивали потасовки или напивались так, что потом, сев за руль, представляли смертельную угрозу на дорогах. В это время (хотя и не так часто) заезжие гастролеры из Куинса рыскали в темных переулках и грабили прохожих. В это же время суток, пару раз в месяц, полиция, собрав достаточное количество улик, совершала налет на один из огромных домов на берегу океана, где торговали наркотой.

А с четырех часов дня до полуночи на дежурство выступали шесть самых крупных мужчин в местной полиции, все в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет.

С полуночи же до восьми утра, как правило, ничего не происходило. Целых девять месяцев в году в это время спокойствие было почти гарантировано. Самым большим происшествием в прошлую зиму стала гроза, которая вывела из строя систему сигнализации, связывающую сорок восемь самых богатых домов городка с полицейским участком. В летнее время с полуночи до восьми обычно дежурили трое полицейских. Но один из них, молодой парень по имени Дик Анджело, как раз взял двухнедельный отпуск. Другой же, Генри Кимбл, отслуживший свои тридцать лет в армии, днем работал барменом в «Сэксонс» и предпочитал дежурства с полуночи до восьми, потому что они давали ему возможность хоть как-то выспаться. Хендрикс попробовал связаться с Кимблом по рации. Хотел попросить его прогуляться по пляжу вдоль Олд-Милл-роуд. Однако, как он и предполагал, эта попытка не увенчалась успехом. Кимбл, как всегда, крепко спал в полицейской машине, припарковав ее за аптекой. И поэтому Хендрикс снял трубку и набрал домашний номер своего шефа.

Броуди спал, это уже было то самое состояние перед пробуждением, когда сны быстро сменяют друг друга. Первый телефонный звонок удачно вклинился в сон: ему снилось, будто он обжимается с какой-то девчонкой на лестничной клетке в школе. Второй звонок вырвал его из сна. Броуди перекатился на край постели и схватил трубку.

– Да?

– Шеф, это Хендрикс. Терпеть не могу беспокоить в такую рань, но...

– А сколько времени?

– Пять двадцать.

– Леонард, надеюсь, у тебя был веский повод?

– Похоже, у нас всплывшая, шеф.

– Всплывшая? Господи, это еще что такое?

Словечко «всплывшая» Хендрикс почерпнул из одного из своих детективов.

– Ну, утопленница, – смущенно пояснил он. А потом рассказал Броуди о телефонном звонке Фута. – Я подумал, что, может, вы захотите проверить это, прежде чем народ повалит на пляж. Денек-то, похоже, намечается погожий.

Броуди тяжело вздохнул.

– А где Кимбл? – Он поднял голову и быстро добавил: – Впрочем, глупый вопрос. Когда-нибудь я сделаю так, чтобы его рация никогда не выключалась.

Некоторое время Хендрикс помолчал, затем продолжил:

– Говорю же, шеф, мне не хотелось вас беспокоить...

– Да, знаю, Леонард. Но ты поступил правильно. Я ведь все равно уже проснулся, так что могу и встать. Побреюсь, приму душ, выпью кофе и по дороге в участок загляну на пляж напротив Олд-Милл-роуд и Скотч-роуд. Вдруг там появилась твоя «всплывшая»? Потом, когда заступит дневная смена, заеду поговорить с Футом и с приятелем девушки. Скоро увидимся, пока.

Броуди положил трубку и потянулся. Он посмотрел на жену, лежавшую рядом на двуспальной кровати. Когда зазвонил телефон, она пошевелилась и проснулась. Но когда поняла, что никто никуда не спешит, опять погрузилась в сон.

Эллен Броуди было тридцать шесть, она была на пять лет моложе своего мужа. Однако тот факт, что на первый взгляд ей и тридцать-то даст не всякий, вызывало у Броуди одновременно и гордость и досаду. Ее красота и молодость свидетельствовали о том, что у ее мужа прекрасный вкус, да и сам он к тому же не лишен привлекательности. Разве не повод для гордости? Вместе с тем Элен сумела сохранить свою красоту и молодость несмотря на то, что вырастила троих детей, а Броуди уже начинал волноваться о таких вещах, как высокое давление и «животик». Хотя при весе в двести фунтов и росте в шесть футов и один дюйм его все равно никто не назвал бы тучным. Иногда летом Броуди ловил себя на мысли, что с ленивым вождением поглядывает на молодых длинноногих девиц, которые с гордым видом разгуливают по городу, а их ничем не поддерживаемые груди колышаются под тонкой хлопчатобумажной тканью. Но ему никогда не нравились такие ощущения, потому что в такие моменты волей-неволей приходилось гадать, не охватывает ли и Эллен такое же возбуждение при виде загорелых, стройных молодых парней, которые так здорово смотрятся рядом с длинноногими девицами. Как только эта мысль застревала у него в голове, так настроение тут же падало. Он вдруг сознавал, что ему уже за сорок, что лучшие годы позади и большая часть жизни прожита...

Лето было традиционно непростым временем года для Эллен Броуди: летом ее изводили мысли, которые она старалась гнать от себя подальше, – об утраченных возможностях и о той, другой жизни, которая могла бы у нее быть. Она встречала здесь людей, с которыми выросла: например, своих одноклассниц, которые вышли замуж за банкиров и брокеров. Лето они проводили в Эмити, а зиму – в Нью-Йорке. Эти, как правило, красивые женщины так же легко и непринужденно вели светскую беседу, как и играли в теннис. И они – в чем Эллен ни капельки

не сомневалась – шептались между собой и посмеивались над ней, Эллен Шеперд!.. Ведь она вышла замуж за того самого полицейского, от которого залетела на заднем сиденье его «Форда» выпуска 1948 года. Хотя все было не так.

Когда Эллен познакомилась с Броуди, ей был двадцать один год. Она как раз закончила свой предпоследний год обучения в Уэллсли и приехала в Эмити на лето с родителями. Собственно, так происходило уже одиннадцать лет – с тех пор, как рекламное агентство, где работал ее отец, перевело его из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. Хотя, в отличие от своих друзей, Эллен Шеперд вовсе не была так озабочена замужеством. Она предполагала, что через год или два после окончания колледжа найдет себе подходящего мужа из своей среды и со сходным материальным положением. Такие мысли не приводили ее в восторг, но и не огорчали. Она довольствовалась тем весьма скромным достатком отца и в этом повторяла свою мать. Но она не горела желанием прожить точно такую же жизнь. Окружавшие ее житейские проблемы и неурядицы наводили смертную тоску. Себя она считала прямой и честной и гордилась тем, что в 1953 году в школе Мисс Портер ее признали Самой Правдивой Ученицей.

Их первая встреча произошла в тот момент, когда Броуди находился на дежурстве. И арестовал ее – точнее, ее приятеля, который вез ее домой и перед этим очень много выпил. Он мчал на огромной скорости по узким улочкам. Машину остановил патрульный полицейский. Эллен мысленно отметила его молодость, приятную внешность и учтивость. Полицейский, сказав, что они нарушили правила, забрал у них ключи от машины и развез обоих по домам. На следующий день Эллен отправилась в город за покупками и случайно оказалась поблизости от полицейского участка. Она просто так, шутки ради, вошла в здание и спросила, кто из полицейских дежурил днем раньше около полуночи. Ей сообщили. Потом она отправилась домой, написала Броуди записку, в которой поблагодарила его за учтивость. Заодно она написала и начальнику полиции, расхваливая молодого Мартина Броуди. Броуди вскоре перезвонил и выразил свою искреннюю признательность за ее внимание к его персоне.

Когда он пригласил ее поужинать и пойти с ним в кино, она согласилась. Из чистого любопытства. Ну, во-первых, ей редко когда доводилось беседовать с кем-нибудь из полицейских. Что уж тут говорить о свидании! Броуди явно нервничал, но Эллен проявила такой неподдельный интерес к нему лично и к его работе, что он успокоился и даже расслабился. Эллен нашла его очаровательным: сильный, скромный, добрый – и искренний. В полиции проработал уже шесть лет. Разговорившись с ней, Броуди сказал, что мечтает стать начальником полиции Эмити, иметь сыновей, с которыми он охотился бы осенью на уток, и собрать достаточно средств на то, чтобы раз в два-три года уезжать в настоящий отпуск.

Поженились они в ноябре того же года. Родителям Эллен очень хотелось, чтобы дочь закончила колледж, и Броуди готов был ждать до следующего лета. Но Эллен не могла себе представить, что еще один год учебы в колледже имеет какое-либо значение в той ее жизни, которую она для себя выбрала.

В первые годы их совместной жизни возникали порой и неловкие ситуации. Друзья Эллен иногда приглашали их на ужин, на обед или просто искупаться, и они с мужем принимали такие приглашения. Но Броуди чувствовал себя как-то неуютно, замечая, что к нему относятся снисходительно. Когда же они встречались с друзьями Броуди, то ситуация менялась с точностью до наоборот. Теперь друзья вели себя очень сдержанно, словно боясь облажаться. Со временем вся эта неловкость сгладилась. Но в кругу прежних друзей Эллен они с мужем больше не появлялись. Хотя ей удалось сбросить с себя ярлык приезжей и заслужить симпатии коренных жителей Эмити, все-таки расстаться с тем, к чему она привыкла за предыдущие двадцать с небольшим лет, было непросто. Она как будто переселилась в другую страну.

Такой разрыв с прошлым впервые потревожил ее года четыре назад. Она была слишком счастлива и чересчур занята воспитанием детей, чтобы думать о каких-то ранее упущенных для себя возможностях. Но когда младший сын отправился в школу, Элен вдруг ощу-

тила себя брошенной и стала предаваться воспоминаниям о том, как видоизменилась жизнь ее матери, когда от нее начали потихоньку отдаляться дети. Это были походы по магазинам (занятие весьма приятное, поскольку средств хватало на все, разве что за исключением самых дорогих вещей), обеды с друзьями, теннис, вечеринки с коктейлями, поездки на пикники. То, что раньше выглядело каким-то мелким и скучным, теперь заиграло новыми красками и казалось раем.

Поначалу Эллен пыталась восстановить связи с друзьями, с которыми не виделась десять лет, но все то общее, что раньше их связывало, просто исчезло, растворилось. Эллен воодушевленно рассказывала о местном обществе, о происходящих здесь событиях, о своей волонтерской работе в Саутгемптонской больнице, – обо всем том, о чем ее бывшие друзья, многие из которых уже более тридцати лет каждое лето приезжали в Эмити, не имели особого представления, да, собственно, и знать-то не хотели. Они же, со своей стороны, рассказывали о том, что творится в Нью-Йорке, о картинных галереях, о знакомых художниках и писателях. Большая часть таких бесед заканчивалась тем, что кто-нибудь вспоминал что-нибудь интересное из своей молодости или кого-то из старых друзей. И каждый раз при расставании все клялись звонить друг другу и обещали снова встретиться.

Иногда Эллен пробовала заводить себе друзей среди «курортников», но подобные знакомства получались какими-то вымученными и недолгими. Некоторые из таких знакомых могли бы, наверное, стать ее друзьями, если бы Эллен не так стеснялась собственного дома, работы своего мужа и его невысокой зарплаты. Новым знакомым она тут же давала понять, что начинала свою жизнь в Эмити на совершенно другом уровне. Понимая, что поступает неправильно, она ненавидела себя за это. Ведь на самом деле она очень любила своего мужа, обожала детей и – большую часть года – была вполне счастлива своей судьбой.

Теперь она уже больше не вторгалась в общество курортников, однако давние обиды и тоска все еще не давали ей покоя. Она не чувствовала себя счастливой и эту свою неудовлетворенность вымещала в основном на мужа. А тот был человеком терпеливым, потому что искренне любил ее. Вообще, в летний период ей иногда хотелось впасть в спячку, чтобы не замечать происходящего и не тревожить то, что давно накалилось внутри.

Броуди прильнул к Эллен, потом приподнялся на локте, подставив ладонь под подбородок. Другой рукой он смахнул локон, щекотавший нос жены, и накрутил его на палец. Он чувствовал привычное утреннее возбуждение и раздумывал над тем, не стоит ли заняться с Эллен любовью. Он прекрасно знал, что Эллен просыпается медленно и ее утреннее настроение романтическим никак не назовешь. И все же... может, и стоило попробовать, кто знает? Вообще, в последнее время они так редко занимались сексом... А всему виной была летняя хандра Эллен.

Как раз в этот момент рот Эллен приоткрылся, и она захрапела. Броуди отпрянул от нее так, как будто кто-то плеснул ему в штаны ледяной воды. Вздыхнув, он встал и отправился в ванную.

Когда Броуди свернул на Олд-Милл-роуд, было уже почти половина седьмого. Солнце уже почти взошло. Оно уже потеряло свой предрассветный багровый оттенок, стало оранжевым и теперь обретало ярко-желтый цвет. Небо было безоблачным.

Согласно действующим правилам, владельцы домов на берегу океана обязаны были держать проходы между домами свободными, чтобы не мешать доступу людей на пляжи. Но в большинстве таких проходов можно было видеть гаражи или живые изгороди из бирючины. С дороги пляж не был виден. Броуди мог разглядеть лишь верхушки дюн. Поэтому через каждые сто ярдов⁶ ему приходилось останавливать патрульную машину, выходить из нее на смежную дорогу к месту, откуда можно было осмотреть участок пляжа.

⁶ Ярд – ок. 90 см.

Никаких намеков на утопленницу он так и не обнаружил. На широком белом пространстве ему удалось рассмотреть лишь несколько коряг, пару брошенных консервных банок и шириной не больше ярда полоску морской травы и водорослей. Прибой был слабым, и если бы труп плавал на поверхности, то он бы его наверняка увидел. Правда, если тело все же под водой, размышлял Броуди, то он рискует его и вовсе не заметить. Остается лишь уповать на то, что рано или поздно волны выбросят тело на берег.

К семи часам Броуди успел осмотреть весь участок пляжа вдоль Олд-Милл-роуд и Скотч-роуд, ничего необычного не увидел, обратил внимание только на бумажную тарелку с кусочками апельсиновой кожуры – верный признак того, что летние пикники становятся изысканными.

Броуди поехал обратно по Скотч-роуд, потом свернул в сторону города на север по Бейбери-Лейн и в 7.10 прибыл в полицейский участок.

Когда Броуди вошел, Хендрикс заканчивал отчет. Вид у него был такой, будто он рассчитывал, что Броуди наверняка притащит труп утопленницы.

– Не повезло, шеф? – спросил он.

– Смотря что ты считаешь везением, Леонард. Если ты хочешь спросить, нашел ли я тело, то нет, не нашел. Я не скажу, что это так уж плохо. Кстати, Кимбл не появился?

– Нет.

– Ладно, надеюсь, он уже не спит. Вообще, только представь себе: люди уже отправились по магазинам, а полицейский храпит себе в машине и хоть бы что!

– К восьми явится, – уверенно сказал Хендрикс.

Броуди налил себе чашку кофе, прошел в свой кабинет и начал просматривать утренние газеты – ранний выпуск «Нью-Йорк дейли ньюс» и местную газету «Эмити Лидер», которая выходила раз в неделю зимой и ежедневно летом.

Кимбл прибыл без пяти минут восемь. И выглядел так, как будто он спал в форме. Сев рядом с Хендриксом, он стал пить кофе, дожидаясь прихода полицейских из дневной смены. Хендрикса сменили ровно в восемь. Надев кожаную куртку, он собрался было уйти, как вдруг из кабинета вышел Броуди.

– Собираюсь съездить к Футу, Леонард, – сказал Броуди. – Не желаешь присоединиться? Нет, это необязательно, конечно. Но я подумал, что ты, наверное, захочешь как-то разобраться с этим случаем, ну... со своей «всплывшей»? – Броуди улыбнулся.

– Гм... да, шеф, – кивнул Хендрикс. – На сегодня у меня особых планов нет, а выплыву потом, во второй половине дня.

Они отправились в машине Броуди. Когда они выехали на дорогу, ведущую к дому Фута, Хендрикс сказал:

– Готов поспорить, что они еще дрыхнут. Помню, прошлым летом какая-то женщина позвонила в час ночи и попросила меня приехать утром пораньше, потому что ей кажется, будто пропало кое-что из ее драгоценностей. Я предложил приехать немедленно, но она заявила, что ложится спать. Ну, как бы там ни было, я явился к ней в десять утра, и – представляете? – эта дамочка выставила меня за дверь. И заявила, что, мол, не просила приезжать так рано.

– Что ж, поглядим, – проговорил Броуди. – Если они и в самом деле волнуются по поводу пропавшей девицы, спать они не будут.

Долго стучаться в дверь им не пришлось, открыли быстро.

– А мы ждали от вас вестей, – сказал молодой мужчина. – Меня зовут Том Кэссиди. Нашли ее?

– Я шеф полиции Броуди. Это полицейский Хендрикс. Нет, мистер Кэссиди, пока не нашли. Войти можно?

– О, конечно, конечно. Простите. Проходите в гостиную. А я позову Футов.

Не прошло и пяти минут, как Броуди выяснил все, что, по его мнению, было ему необходимо. Затем, втайне надеясь выяснить что-нибудь стоящее, он попросил показать одежду пропавшей женщины. Его провели в спальню, и он осмотрел одежду, сложенную на кровати.

– Она что же, и купальник с собой не взяла?

– Нет, – ответил Кэссиди. – Он вон там, в верхнем ящике, вон там. Я смотрел.

Броуди выждал немного, подбирая слова, затем сказал:

– Мистер Кэссиди, не хотел бы показаться бестактным, но не было ли у мисс Уоткинс каких-нибудь... необычных наклонностей? Ну, может, она среди ночи уходила из дому... или гуляла нагишом?

– Насколько мне известно, ничего такого за ней не водилось, – озадаченно ответил Кэссиди. – Хотя на самом деле я не слишком хорошо ее знаю.

– Ясно, – сказал Броуди. – Тогда, думаю, лучше еще разок пройтись по пляжу. Нет, нет, вам идти необязательно. Мы с Хендриком вполне управимся.

– Если не возражаете, я бы все же пошел.

– Ну, хорошо, не возражаю. Просто мне показалось, что, может, вы не хотите.

Трое мужчин вышли на пляж.

Кэссиди показал полицейским, где он заснул – отпечаток его тела на песке остался нетронутым – и где лежала одежда женщины.

Броуди окинул взглядом пляж. Более чем на милю вокруг он был пуст, только кучи морских водорослей темными пятнами выделялись на белом песке.

– Давай прогуляемся, – предложил он. – Леонард, ты пойдешь на восток, вон туда. Мистер Кэссиди, мы с вами отправимся на запад. Ты ведь захватил свисток, Леонард? Это я так, на всякий случай.

– Да, – ответил Хендрикс. – Ничего, если я сниму ботинки? Так легче идти по сырому песку, да и ботинки не промокнут.

– Не возражаю, – ответил Броуди, – твое дежурство ведь закончилось. Можешь даже снять штаны, если пожелаешь. Но тогда я арестую тебя за непристойное поведение.

Хендрикс зашагал в восточном направлении. Под ногами хрустел мокрый песок. Хендрикс шел, опустив голову и засунув руки в карманы, поглядывая на ракушки и на клубки водорослей. Из-под ног разбегались прочь какие-то букашки, похожие на маленьких черных жучков, а когда волна отхлынула прочь, он увидел, что из дырочек, прорытых в песке песчаными червями, вылетают крошечные пузырьки воздуха. Ему от души нравилась эта прогулка. Забавная штука, размышлял он, вот так живешь всю жизнь на одном месте и почти никогда не делаешь того, ради чего приезжают сюда туристы. Не бродишь по пляжу, не купаешься в океане. Он даже не мог припомнить, когда сам купался в последний раз. Даже не был уверен, что у него есть плавки. Нечто подобное он как-то слышал о жителях Нью-Йорка – будто половина из них никогда не поднималась на крышу «Эмпайр Стейт Билдинг» и ни разу не побывала у статуи Свободы.

Время от времени Хендрикс поднимал голову и прикидывал, долго ли еще идти. Однажды он обернулся посмотреть, не обнаружили ли что-нибудь Броуди и Кэссиди. До них было примерно полмили.

Продолжив путь, Хендрикс заметил что-то впереди, что-то похожее на клубок из травы и водорослей, только слишком уж большой. Когда до него оставалось ярдов тридцать, Хендрикс подумал, что водоросли на что-то намотались и слиплись. Образовался большой бесформенный клубок.

Подойдя поближе, Хендрикс наклонился, чтобы сорвать часть водорослей и получше рассмотреть находку, и вдруг застыл на месте. Несколько секунд он смотрел, оцепенев от ужаса. Потом принялся судорожно шарить в кармане в поисках свистка, нашел его, приложил к губам,

но так и не смог толком свистнуть. К горлу подступил комок, и началась рвота. Пошатнувшись, он опустился на колени.

На песке, опутанная водорослями, лежала... женская голова. Остались еще плечи, часть руки и туловища. Кожа была покрыта серо-голубыми пятнами, торчали обрывки мышц. В голове у Хендрикса мелькнуло, что грудь у женщины плоская, как засушенный в книге цветок... И это спровоцировало новый приступ рвоты.

– Постойте! – напрягся Броуди, дотронувшись до руки Кэссиди. – Кажется, кто-то засвистел. – Щурясь от утреннего солнца, он разглядывал вдали темный силуэт на песке. Наверняка, это был Хендрикс. В этот момент снова – и уже более отчетливо – до него донесся свист.

– Скорее! – крикнул он.

Когда они подбежали, Хендрикс все еще стоял на коленях. Рвота к тому времени прекратилась, голова была откинута набок, рот приоткрыт. Он дышал шумно и прерывисто.

Броуди немного опередил Кэссиди.

– Мистер Кэссиди, побудьте здесь, – сказал он, раздвигая ком водорослей, но когда понял, что там, то на время замер. Судорожно глотнув, Броуди закрыл глаза. Выждав минуту, он проговорил: – Что ж, теперь, пожалуй, ваш черед, мистер Кэссиди. Это она?

Кэссиди застыл на месте. Он поглядывал то на Хендрикса, который был все еще не в силах подняться, то на страшную находку, опутанную водорослями.

– Вы... о чем? – пробормотал он, указывая на кучу и невольно отступая назад. – Вы хотите сказать...

Броуди отчаянно пытался подавить приступ тошноты.

– Думаю, – ответил он, – это все, что от нее осталось.

Кэссиди нехотя приблизился. Броуди раздвинул водоросли, чтобы тот мог получше рассмотреть серое, с раскрытым ртом лицо.

– Господи! – воскликнул Кэссиди и зажал рот ладонью. – Неужели она?

Потом он кивнул, не отрывая взгляда от лица. Затем отвернулся и спросил:

– Что же с ней могло произойти?

– Трудно сказать, – ответил Броуди. – Но, судя по всему, на нее напала акула.

У Кэссиди подкосились колени, и, падая на песок, он пробормотал:

– Меня сейчас стошнит.

С этими словами он опустил голову, и его вырвало.

Броуди понял, что больше не сможет сопротивляться.

– Поддерживаю... – успел выдавить из себя он перед тем, как его тоже вырвало.

Глава 3

Через несколько минут Броуди все-таки нашел в себе силы, чтобы выпрямиться и направиться к машине. Он вызвал «Скорую помощь» из Саутгемптонской больницы. До приезда «Скорой» прошел целый час. Изуродованные останки женщины запихнули в пластиковый мешок и увезли.

К одиннадцати часам Броуди уже сидел в своем кабинете и заполнял протокол о происшествии. Он заполнил все поля, задержавшись лишь на графе «Причина смерти». В этот момент зазвонил телефон.

– Мартин, это Карл Сантос, – послышался в трубке голос судебного следователя.

– Да, Карл. Есть что-то для меня?

– Если у тебя нет оснований подозревать убийство, я бы сказал, что это акула.

– Убийство? – переспросил Броуди.

– Я ни на что не намекаю. Хотя можно предположить, хотя и с трудом, что девчонку прикончил какой-нибудь псих. Вооруженный топором и пилой.

– Нет, не думаю, что это убийство, Карл. Нет ни мотива, ни орудия убийства. И, если уж на то пошло, нет и подозреваемого.

– Ну, тогда акула. К тому же огромная! Даже винт океанского лайнера не сотворил бы такое. Он разрубил бы тело пополам, но...

– Ладно, Карл, – оборвал Броуди. – Избавь меня от этого. До сих пор в животе крутит.

– Прости, Мартин. Так или иначе, я тогда отмечу в протоколе нападение акулы. Наверное, такой вариант тебя устроит, если у тебя нет... ну, сам понимаешь, других соображений.

– Нет, – сказал Броуди. – По крайней мере, на данный момент. Спасибо, что позвонил, Карл. – Он положил трубку, внес в графу «Причина смерти» текст «нападение акулы» и откинулся на спинку стула.

«Другие» соображения как-то раньше ему в голову не приходили. Хотя эти соображения представляли собой довольно щекотливую особенность его работы. Они вынуждали отыскивать лучшие способы защиты общих интересов, стремясь не скомпрометировать ни себя лично, ни закон.

Летний сезон только начался, и Броуди было хорошо известно, что от того, насколько гладко или не очень пройдут эти двенадцать недель, зависит благополучие Эмити в течение всего года. Удачный сезон давал возможность городу спокойно выдержать скучную зиму и дотянуть до нового лета. Зимой население Эмити составляло около тысячи человек, а в хорошее лето общее количество жителей увеличивалось до десяти тысяч. То есть девять тысяч курортников обеспечивали благополучие тысячи местных жителей на весь год.

Местные торговцы – будь то владельцы магазинов скобяных изделий, спортивных товаров и двух бензозаправочных станций, или фармацевты – все рассчитывали, что летний всплеск продаж поможет им продержаться зиму, когда они едва сводили концы с концами. Чтобы поддержать свои семьи, жены столяров, электриков, водопроводчиков работали летом официантками или агентами по недвижимости. Торговать крепким алкоголем круглый год имели право лишь два заведения, поэтому для большинства ресторанов и баров эти двенадцать летних недель имели решающее значение. Рыбакам, которые сдавали свои суда внаем, в идеале требовалась и хорошая погода, и отличный клев, но прежде всего – толпы клиентов.

Но даже после самых что ни на есть благоприятных летних сезонов зимы в Эмити протекали непросто. Три из каждых десяти семей жили на пособие. Многие мужчины зимой были вынуждены отправляться на север Лонг-Айленда, где за обработку морских гребешков они получали по несколько долларов в день.

Броуди знал, что, не дай бог, случится неудачное лето – и тогда живущих на пособие станет вдвое больше. Если не все дома будут сданы в аренду, то чернокожим в Эмити работы ждать попросту неоткуда. Поскольку большинство из них нанимались садовниками, барменами, дворецкими. А два или три неудачных лета подряд – хотя такого «счастья» не было уже лет двадцать – могли создать необратимый цикл и в итоге погубить город. Ведь если у людей не хватает средств на одежду, топливо и продукты, если они не могут раскошелиться на ремонт дома и какой-то техники, то торговцы и сервисные фирмы тоже не смогут продержаться до следующего лета. Магазины закроются, и жителям Эмити придется отправляться за покупками в другие места. Городок перестанет получать налоги, муниципальные службы придут в упадок, а люди начнут просто уезжать отсюда.

Поэтому среди местных жителей утвердилось понимание: каждый должен вносить свой посильный вклад в то, чтобы Эмити оставался привлекательным летним курортом. Броуди вспомнил, как несколько лет назад в Эмити приехали два брата, которые открыли столярную мастерскую. Они приехали весной. Нужно было ремонтировать и приводить в порядок дома для курортников. Работы было много, и приняли их радушно. Ну, и мастерами они оказались неплохими, так что многие местные столяры стали рекомендовать их своим клиентам.

Только вот в середине лета о братьях Феликсах поползли нехорошие слухи. Альберт Моррис, владелец скобяного магазина, говорил, что они скупают у него простые стальные гвозди, а деньги потом со своих клиентов берут за них, как за оцинкованные. А в условиях местного морского климата обыкновенные стальные гвозди уже через несколько месяцев начинают ржаветь. Дик Спитцер, владелец склада лесоматериалов, сообщил кому-то, что Феликсы для работ по сборке шкафов в одном из домов на Скотч-роуд заказали партию низкосортной сырой древесины. Дверцы в шкафах перекошились почти сразу же после того, как их навесили. Как-то вечером в баре Феликс-старший, Армандо, похвастался собутыльнику, как, вместо того чтобы ставить крепеж с интервалом в шестнадцать дюймов, он ставит его с более редким интервалом. А плату получает как положено. Феликс-младший, Дэнни, с прыщавым лицом, любил показывать приятелям книжки с порнокартинками, которые, как он сам же и признался, стащил в тех домах, где работал.

Местные столяры перестали рекомендовать Феликсов своим заказчикам, но к тому времени братья имели уже достаточно наработок, чтобы спокойно продержаться зиму. Вот здесь как раз и проявилась солидарность жителей Эмити. Сначала братьям Феликсам слегка намекнули, что они несколько злоупотребили местным гостеприимством. Прослышав об этом, Армандо лишь ухмыльнулся. Но вскоре у него начались неприятности. Так, у его грузовика неожиданно спустили все четыре колеса, а когда он позвонил в автосервис, ему ответили, что сломался компрессор. Когда у него закончился газ в баллоне на кухне, местной газовой компании понадобилось больше недели на то, чтобы доставить ему новый баллон. Его заказы на стройматериалы либо куда-то терялись, либо выполнялись в последнюю очередь. В магазинах, где раньше он покупал в кредит, теперь вынужден был выкладывать наличные. И вот к концу октября братья Феликсы свернули свои дела и уехали.

Обычно вклад Броуди в солидарность, царящую в Эмити, – помимо того, что он поддерживал законность и принимал здравомыслящие решения, – заключался в пресечении разных ненужных слухов. Если же в городке и случались неприятные происшествия, то с его подачи Гарри Медоуз, редактор «Лидера», местной газеты, преподносил их в нужном ракурсе в рубрике неожиданных происшествий, которые квалифицировались как новости.

Прошлым летом «Лидер» сообщил о случаях изнасилования, но как-то вскользь, как о досадных происшествиях. А все потому, что, по договоренности Броуди с Медоузом, чрезмерный акцент на чернокожем насильнике, угрожающем женщинам Эмити, может сильно сократить приток туристов. Вдобавок ни одна из женщин, заявивших об изнасиловании в полицию, не повторила свой рассказ больше никому.

Если полицейские задерживали кого-нибудь из богатых курортников за вождение автомобиля в нетрезвом виде, то в протокол Броуди предпочитал заносить – при первом нарушении, – что водитель выехал без прав, и эта информация поступала в «Лидер». Но Броуди непременно предупреждал такого горе-водителя, что в следующий раз, если тому вздумается выпить за рулем, его привлекут по всей строгости закона.

Отношения с Медоузом строились на своего рода деликатном равновесии. Если в Эмити хулиганила группа подростков из Хэмптонса, Медоуз тут же получал от полиции всю информацию: имена, возраст, предъявленные обвинения. Если же буйство учиняла молодежь из самого Эмити, то в «Лидере», как правило, появлялась лишь скромная заметка без ссылки на фамилии и адреса – о том, что, скажем, на Олд-Милл-роуд была вызвана полиция для улаживания небольшого конфликта.

Поскольку некоторые курортники выписывали «Лидер» круглый год и считали газету вполне привлекательным чтивом, то грабежи в летних домиках, пустовавших в холодный период, нельзя было просто так обойти. Вопрос ведь был весьма и весьма деликатным. И долгие годы Медоуз, по сути, игнорировал проблему, оставлял на усмотрение Броуди заботы о том, чтобы уведомить домовладельцев, найти и наказать грабителей, а также направить в дом бригаду ремонтников. Все так бы и шло, но зимой 1968 года всего за месяц налетам подверглись шестнадцать пустующих домов. Тогда Броуди и Медоуз пришли к выводу, что пора организовать в «Лидере» полномасштабную кампанию против зимнего вандализма. Сказано – сделано, и в результате сорок восемь домов были подключены к полицейской сигнализации. А поскольку полиция предусмотрительно не сообщила, какие именно дома на сигнализации, а какие нет, то налеты прекратились. Это намного облегчило работу Броуди и неизмеримо подняло авторитет Медоуза как редактора, который активно вовлечен в решение социальных проблем.

Не обходилось порой и без разногласий. Так, Медоуз был фанатичным противником наркотиков. Вдобавок он обладал весьма острым репортерским чутьем. Стоило ему лишь почувствовать, что намечается какая-нибудь убойная статья, то он бросался вперед, словно полицейская ищейка. Причем никакие «особые соображения» на него уже не действовали. К примеру, летом 1971 года недалеко от пляжа Скотч-роуд нашли труп дочери одного из местных богачей. Броуди, руководствуясь тем, что признаков насильственной смерти обнаружено не было, да к тому же родные девушки возражали против вскрытия, зафиксировал в протоколе смерть от утопления.

Однако у Медоуза были основания предполагать, что девушка принимала наркотики. А снабжал ее ими сын одного фермера – из польских иммигрантов, – выращивающего картофель. Медоуз затеял журналистское расследование и, как оказалось, не зря. Примерно через два месяца ему удалось-таки распутать эту историю, и в конце концов он добился вскрытия тела. Аутопсия показала, что девушка утонула, потеряв сознание из-за большой дозы героина. Он вывел на чистую воду торговца, а за ним и довольно большую банду, занимавшуюся поставками наркотиков в Эмити и окрестностях. Вообще, эта история плохо отразилась на репутации городка, а еще хуже – на самом Броуди. Из-за того, что в деле фигурировали несколько преступлений федерального масштаба, парочка произведенных им арестов не смогла толком прикрыть его предыдущие служебные ляпы. Медоуз же был дважды удостоен региональных премий в области журналистики.

Теперь уже Броуди настаивал на том, чтобы «Лидер» сообщил о происшествии как положено. Не вскользь, а во всех подробностях. Он собирался закрыть местные пляжи на пару дней, чтобы акула отплыла подальше от берегов Эмити. Он не знал, способны ли акулы пристраститься к человеческому мясу (как, к примеру, те же тигры), но был полон решимости лишить опасную рыбину ее новой добычи. На этот раз он требовал гласности и хотел заставить людей хотя бы на время держаться от воды подальше.

Броуди знал, что его намерение сообщить в газете о нападении акулы вызовет мощное противодействие. Как и другие города, Эмити до сих пор ощущал на себе последствия всеобщего экономического спада. И пока наступающее лето не обещало ничего хорошего. Съемщиков набиралось вроде бы больше, чем в прошлом году, но добротными, полноценными арендаторами их было назвать трудно. В основном дома снимали группами по десять-пятнадцать человек. Они приезжали сюда из города и делили аренду на всех. Как минимум с десятков, а то и больше, домов на самом берегу стоимостью от семи до десяти тысяч долларов за сезон и еще больше – стоимостью пять тысяч – так и не были сданы. Сенсационный репортаж о нападении акулы мог такое и без того унылое положение превратить в катастрофу.

И все же Броуди считал, что один такой несчастный случай в середине июня, когда Эмити еще не захлестнули толпы курортников, быстро забудется. Естественно, один несчастный случай наделает куда меньше шума, чем два или три. Акула, вполне возможно, уже уплыла, но Броуди все же не хотел рисковать жизнью людей. Вероятность нового нападения, скорее всего, ничтожна, но ставки – невероятно высоки...

Он набрал номер Медоуза.

– Привет, Гарри, – сказал он. – Ты как, свободен? Пообедаем вместе?

– Как раз ждал твоего звонка, – ответил Медоуз. – Конечно. У тебя или у меня?

Броуди вдруг решил, что зря позвонил в обеденное время. В желудке у него до сих пор бурлило, и сама мысль о еде вызывала тошноту. Он бросил взгляд на настенный календарь. Четверг. Как все их друзья со скромным достатком, Броуди всегда рассчитывали на специальные предложения в супермаркете. В понедельник они покупали по скидкам курицу, во вторник – баранину, ну и так всю неделю. Элен отмечала покупку в своем списке и на следующую неделю заменяла чем-нибудь другим. Единственным разнообразием в их меню были луфарь и окунь – да и то, если какой-нибудь знакомый рыбак отдавал излишек своего улова. В четверг по сниженной цене шел рубленый бифштекс. Но рубленого мяса сегодня Броуди видел больше чем достаточно.

– У тебя, – ответил Броуди. – Почему бы, кстати, не заказать из ресторанчика? Поедим в твоем кабинете.

– Отлично, – сказал Медоуз. – Что будешь? Я закажу.

– Наверное, салат с яйцом и стакан молока. Я скоро.

Броуди позвонил Эллен и сказал, что обедать домой не приедет.

Гарри Медоуз был очень тучным человеком, для которого даже вздох требовал немалых усилий, отчего на лбу выступали капельки пота. Ему было под пятьдесят, ел он очень много, коптил дешевыми сигарами, пил бурбон и, по словам лечащего врача, в западном мире был первым претендентом на обширный инфаркт миокарда.

Когда вошел Броуди, Медоуз стоял позади своего стола и махал полотенцем, отгоняя сигарный дым в сторону открытого окна.

– Судя по заказу, ты решил побереечь свой желудок, – заметил он. – Вот я и пытаюсь проветрить кабинет от аромата «Белой совы»⁷.

– Что ж, спасибо, – кивнул Броуди, окидывая взглядом маленькую комнату в поисках места, где можно было бы присесть.

– Сбрось хлам со стула, – сказал Медоуз. – Это кипа с госотчетами. Из округа, из штата, от автодорожной комиссии и комиссии по водоснабжению. Небось, обходятся в миллион долларов, не меньше, а вот с точки зрения информации... так, дерьмо.

Броуди собрал кипу бумаг и переложил на батарею. Потом подтащил стул поближе к столу Медоуза и сел.

⁷ Марка сигар.

Медоуз пошарил в большом бумажном пакете, вытащил оттуда молоко и завернутый в целлофан сэндвич и передал все Броуди. Потом стал извлекать собственный обед. Это были четыре отдельных свертка; развернув их, он, как ювелир, выставяющий напоказ редкие драгоценности, принялся бережно раскладывать перед собой фрикадельки в томатном соусе, жареный картофель, маринованный огурец величиной с маленький кабачок и четверть лимонного пирога. Из расположенного за спиной небольшого холодильника он вытащил большую банку пива.

– Замечательно, – сказал он, оглядев стол с разложенной на нем едой.

– Восхитительно, – сказал Броуди, глотая кислую отрыжку. – До очертения. Я уже тысячу раз обедал с тобой, Гарри, но все-таки никак не привыкну к такому зрелищу.

– Просто пойми: у каждого свои маленькие слабости, дружище, – поучительно проговорил Медоуз, хватая сэндвич. – Кто-то пялится на чужих жен. Кто-то упивается до потери пульса. Я же утешаю себя пищей.

– Вот утешение получит бедняжка Дороти, когда твое сердце скажет: все, с меня довольно! Конец пирушке! Адьюс!

– Ну, мы вообще-то обсуждали это с Дороти, – ответил Медоуз, уже порядком набив себе рот хлебом и мясом, – и сошлись на том, что одно из немногих преимуществ человека над животными в том, что он сам волен выбрать, как и от чего умереть. Еда, наверное, в итоге убьет меня, но ведь именно она-то и доставляет мне такое удовольствие. К тому же уж лучше умереть вот так, чем в пасти акулы. Уверен, ты согласишься со мной – особенно после того, что произошло нынче утром.

Броуди как раз собирался проглотить кусок сэндвича с яйцом и едва не поперхнулся.

– Слушай, не надо! Только не сейчас, – почти взмолился он.

Какое-то время они ели молча. Броуди покончил с сэндвичем, выпил молоко, скомкал бумагу и закинул ее в пластмассовый стаканчик. Потом, откинувшись назад, закурил сигарету. Медоуз все еще ел. Броуди знал, что этому субъекту аппетит ничем не испортишь. Он вспомнил, как однажды Медоуз, приехав на место жуткой автомобильной катастрофы – с трупами и кровью, – расспрашивая полицейских и уцелевших в аварии, сосал фруктовое мороженое.

– Что касается гибели этой... мисс Уоткинс, – начал Броуди, – у меня появились кое-какие соображения, и мне хотелось бы ими с тобой поделиться. – Медоуз кивнул. – Во-первых, о причине смерти. Мне кажется, здесь двух мнений быть не может. Я уже поговорил с Сантосом и...

– Я тоже.

– Ну, значит, ты в курсе, что он думает. Это нападение акулы. Яснее некуда. Если бы ты видел тело, то сказал бы то же самое. Здесь просто не может...

– Я видел тело.

Броуди был потрясен. В основном потому, что человек, видевший такое месиво, попросту не может вот так преспокойно сидеть и слизывать с пальцев лимонную начинку!

– Так ты согласен?

– Да. Я согласен, ее убила акула. Но есть ряд вещей, в которых я не до конца уверен.

– То есть?

– Ну, например, почему она поперлась купаться в такое время? Знаешь, какая была температура воздуха около полуночи? Шестьдесят градусов по Фаренгейту. А температура воды? Около пятидесяти. Надо совсем не дружить с головой, чтобы купаться в таких условиях.

– Или напиться, – заметил Броуди.

– Возможно. Хотя, пожалуй, ты прав. Я тут навел кое-какие справки. Футы не связываются с марихуаной и прочим зельем. Меня беспокоит другое.

Броуди почувствовал раздражение.

– Гарри, ради бога, ну хватит тебе гоняться за собственной тенью. Люди ведь не застрахованы от несчастного случая.

– Не об этом речь. Откуда здесь появилась акула, ведь вода-то еще холодная!

– Разве? Ну, может, некоторые из них любят холодную воду. Откуда нам знать, что им взбредет в голову?

– Есть гренландские акулы, но они никогда не заплывают так далеко на юг, а если и заплывают, то обычно людей не трогают. Откуда нам знать, говоришь? Я вот что тебе скажу: сейчас я знаю о них гораздо больше, чем знал утром. Увидев, что осталось от мисс Уоткинс, я позвонил одному парню, моему знакомому из института океанографии в Вудс-Хоуле. Я описал ему труп, и он сказал, что, судя по всему, на такое способна лишь одна акула.

– Какая же?

– Большая белая. Есть и другие, которые нападают на людей, например тигровые, молот-рыба и, возможно, даже мако и голубые, но этот парень Хупер – Мэтт Хупер – сказал мне: перекусить женщину пополам может рыбина только вот с такой пастью, не меньше, – он развел руки на ширину около трех футов, – а единственная акула, у которой такая пасть и которая нападает на людей, – это большая белая. У нее есть и другое название.

– И какое же? – спросил Броуди, который уже начал было терять интерес.

– Людоед. Другие акулы тоже иногда нападают на людей, причем по самым разным причинам – когда голодны, напуганы или когда почуют кровь в воде. Кстати, у этой Уоткинс не было месячных прошлой ночью?

– Мне-то откуда знать?!

– Да я так, просто из любопытства. Хупер сказал, что в этом случае нападение акулы почти гарантировано, если та рыщет где-то поблизости.

– А что он говорит про холодную воду?

– Оказывается, что белая акула спокойно себя чувствует в такой воде. Несколько лет назад неподалеку от Сан-Франциско акула убила мальчика. Температура воды была пятьдесят семь.

Броуди сделал длинную затяжку.

– А ты и в самом деле раскопал немало об акулах, Гарри, – проговорил он.

– Я руководствовался, скажем так, здравым смыслом и общественными интересами. Ведь нужно точно понять, что произошло и может ли такое снова повториться.

– Ну, и как, может?

– Нет. Вероятность практически равна нулю. Из чего лично я могу заключить, что это единственный несчастный случай. По словам Хупера, большие белые акулы встречаются редко, и это, пожалуй, единственное, что может хоть как-то обнадежить. Поэтому есть все основания полагать, что акула, напавшая на Уоткинс, давно уплыла. Здесь нет рифов. Нет рыбообрабатывающего завода или скотобойни, которые спускают в воду кровь или сбрасывают внутренности. Одним словом, нет ничего такого, что может привлечь акулу. – Медоуз притих и посмотрел на Броуди, который молча взглянул в ответ. – Поэтому, мне кажется, Мартин, нет оснований будоражить народ, ведь ничего подобного больше не повторится.

– Ну, это как посмотреть, Гарри. Если такое не повторится, то тем более не будет никакого вреда, если сказать людям, что однажды такое произошло.

Медоуз вздохнул.

– С журналистской точки зрения, ты, наверное, прав. Но мне кажется, Мартин, это как раз один из тех случаев, когда следует забыть о правилах и больше думать о людях. Не думаю, что сообщение об инциденте отвечало бы общественным интересам. Местные не в счет. Рано или поздно они узнают об этом. Как насчет тех, которые читают наш «Лидер» в Нью-Йорке, Филадельфии, Кливленде?

– Ты прямо льстишь себе.

– Ерунда, ты ведь понимаешь меня. И ты в курсе, как обстоят дела с арендой домов на лето. Мы ведь просто на грани – так же, как жители Нантакета, Вайнъярда и Истгемптона. Ведь многие еще не решили, где провести лето. Они знают, что в этом году у них широкий выбор. Арендкуемых домов сколько хочешь. Если я напечатаю в газете о том, что молодую женщину у берегов Эмити перекусила пополам акула-монстр, здесь не смогут сдать ни одного дома. Акула, Мартин, – это все равно что убийца с топором. Есть в ней что-то безумное, злобное, неотвратимое. Если мы сообщим людям об акуле-убийце, то можем распрощаться с надеждами на хорошее лето.

Броуди мрачно кивнул.

– С этим не поспоришь, Гарри, и мне тоже не хочется сообщать публике о том, что где-то поблизости рыщет акула-убийца. Но ты хотя бы на секунду поставь себя на мое место. Не стану опровергать твои доводы. Вероятно, ты прав. Эта акула, скорее всего, уплыла на сотню миль отсюда и никогда больше не вернется. И самую большую опасность, как и раньше, представляют собой глубинные течения. Но, Гарри, все-таки ты можешь ошибаться, хоть и шанс крайне ничтожен. Допустим – просто допустим, – что мы промолчим, а пострадает еще кто-нибудь. Что тогда? Надо мной и так висит дамоклов меч. И с меня спросят, можешь быть уверен. Ведь я, согласно занимаемой должности, должен защищать местных жителей, и если я не в состоянии их защитить, то обязан хотя бы предупредить о грозящей опасности. Ты, кстати, тоже на крючке. Не думай, что так легко отвертеться. Ты ведь обязан сообщать обо всех значимых событиях в городе, а если у наших берегов на человека нападает акула, то, уж поверь, это событие! Поэтому я хочу, чтобы ты о нем написал. Хочу закрыть пляжи – всего на пару дней, в целях предосторожности. Думаю, никому это не доставит особых хлопот. Не так уж много у нас еще приезжих, да и вода еще толком не прогрелась. Лучше прямо сказать людям о том, что случилось, и объяснить, почему мы поступаем именно так, а не иначе.

Медоуз откинулся на спинку стула и ненадолго задумался.

– Ну, за твои действия я не в ответе, Мартин, но вот что касается меня, то решение уже принято.

– Что это значит?

– В «Лидере» никакой заметки о нападении акулы не будет.

– Вот так, значит?!

– Ну да. Это не мое единоличное решение, хотя в целом я с ним согласен. Я ведь редактор и совладелец газеты, Мартин, но у меня лишь доля, причем не такая уж и большая, чтобы противостоять определенному давлению.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что только утром мне уже шесть раз звонили. Пять звонков было от рекламодателей – ресторана, гостиницы, двух агентств недвижимости и кафе-мороженого. Они были очень взбудоражены и спрашивали, собираюсь ли я напечатать заметку о погибшей девушке, и недвусмысленно дали понять, что, по их мнению, для Эмити будет лучше, если история не получит огласки. А шестой звонок был от мистера Коулмана из Нью-Йорка. От того самого мистера Коулмана, в руках которого пятьдесят процентов акций «Лидера». Похоже, ему тоже позвонили на эту тему. И он заявил, что никаких заметок об акуле в «Лидере» не будет.

– А ты в курсе, что его супруга работает брокером по недвижимости?

– Нет, – ответил Медоуз. – Эту тему никто не поднимал.

– Еще бы! Хорошо, Гарри, на чем мы тогда остановимся? Ты не собираешься печатать заметку, поскольку, по мнению почтенных читателей «Лидера», не произошло ничего особенного. А я все-таки закрою пляжи и поставлю несколько предупреждающих знаков.

– Хорошо, Мартин. Это твое решение. Но позволь мне тебе напомнить кое о чем. Ты ведь выборное должностное лицо?

– Да, как и президент. На четыре волнующих года.

– Но ведь могут и отстранить, объявить импичмент?

– Это угроза, Гарри?

Медоуз улыбнулся.

– Тебе лучше знать. Да и к тому же кто я такой, чтобы угрожать? Мне просто хочется, чтобы ты подумал о последствиях своих поступков, прежде чем решиться выступить против интересов жителей Эмити, избравших тебя.

Броуди встал:

– Спасибо, Гарри. Я всегда слышал, что власть предержавшие всегда одиноки. Сколько я должен тебе за обед?

– Нисколько. Не могу же я брать деньги с человека, чья семья скоро будет кланчить бесплатные талоны на питание.

Броуди рассмеялся.

– Ну, уж нет! Разве ты не в курсе? Ведь служба в полиции – это гарантия безбедного существования?

Через десять минут после того, как Броуди вернулся к себе в кабинет, по селектору сообщили: «К вам мэр, шеф».

Броуди улыбнулся. Сам мэр. Не заглянувший к нему Ларри Вон. Не Лоренс Вон из агентства недвижимости «Вон и Пенроуз», который зашел пожаловаться на шумных арендаторов. Нет, именно мэр Лоренс П. Вон – избранник народа, получивший на последних выборах семьдесят один голос.

– Пусть его милость войдет, – сказал Броуди.

Ларри Вон был красивый мужчина чуть старше пятидесяти, спортивного телосложения и с сединой в волосах. Несмотря на то что Лоренс был коренным жителем Эмити, с годами в его манере стали все чаще проскальзывать элементы роскоши. Вон сколотил себе немаленькое состояние на послевоенных спекуляциях недвижимостью в Эмити и являлся главным владельцем самой преуспевающей компании в городе (некоторые считали, что единственным владельцем, так как в фирме Вона никакого Пенроуза никто не встречал). В его одежде наблюдалась элегантная простота, он носил пиджаки британского покроя, строгие рубашки и мягкие кожаные туфли «Уидженс». В отличие от Эллен Броуди, которая, будучи приезжей, так и не смогла до конца приспособиться к местным жителям, для Вона как уроженца Эмити процесс слияния с богатыми курортниками прошел довольно гладко. Как местный коммерсант он, конечно, не был им ровней, и никто из них не приглашал его к себе в Нью-Йорк или Палм-Бич. Но здесь, в Эмити, он был на короткой ноге почти со всеми, за исключением, может быть, лишь только самых надменных представителей летнего общества. И такие связи оказывали самое благотворное влияние на его дела. Летом его часто приглашали на важные приемы, и он всегда являлся туда один. Мало кто из его друзей знал, что дома у него есть жена, простая, обожающая своего мужа женщина, которая большую часть своего времени проводит за вышивкой перед экраном телевизора.

Вон нравился Броуди. Летом они виделись редко, но после Дня труда, когда сезон заканчивался, Вон мог на время забыть о социальной иерархии. И тогда раз в две-три недели они с женой приглашали Броуди и Эллен поужинать с ними в одном из лучших ресторанов в Хэмптонсе. Такие вечера представляли для Эллен нечто особенное, что само по себе делало Броуди абсолютно счастливым. Похоже, Вон понимал Эллен. С ней он всегда вел себя как с равной, очень дружелюбно и обходительно.

Вон вошел в кабинет Броуди и сел.

– Только что поговорил с Гарри Медоузом, – сказал он.

Вон был явно расстроен, и это заинтересовало Броуди. Такой реакции он не ожидал.

– Вижу, – ответил он. – Наш Гарри явно не теряет времени.

– Где ты собираешься получить разрешение на закрытие пляжей?

– Ты меня спрашиваешь как мэра или как брокера по недвижимости? Или просто так, из дружеского любопытства?

Вон напрягся. Броуди заметил, что сдерживается он с трудом.

– Хочу знать, где ты собираешься получить такое разрешение? Мне нужно знать это сейчас.

– Если чисто официально, то не уверен, что вообще должен получать разрешение, – ответил Броуди. – В законе есть определенные пункты, по которым в чрезвычайных обстоятельствах я вправе предпринять любые действия, которые сочту необходимыми. Полагаю, члены городского управления сами должны объявить о таких обстоятельствах. Вот только не знаю, нужна ли вся эта канитель.

– Ни в коем случае.

– Что ж, с неформальной точки зрения считаю своим долгом в меру собственных сил обеспечить безопасность живущих здесь людей. А сейчас, думается, для этого необходимо на пару дней закрыть пляжи. Если кто-нибудь нарушит запрет, едва ли я смогу арестовать этого человека. Если только за преступную глупость.

Броуди усмехнулся.

Но Вон не обратил никакого внимания на его замечание.

– Я не хочу, чтобы ты закрывал пляжи, – сказал он.

– Да я уж понял.

– И ты хорошо знаешь, почему. Не за горами Четвертое июля, и от этих выходных многое зависит. Мы можем сами себе навредить.

– Твои доводы мне понятны, но и ты тоже должен понять, почему я хочу закрыть пляжи. Ведь тут дело не в какой-то личной выгоде.

– Да какая уж тут выгода! Скорее наоборот. Послушай, Мартин, просто нашему городку не нужны такие новости, вот и все.

– Но ему не нужны и новые жертвы.

– Да ради бога, о чем ты! Никаких жертв больше не будет! Закрыв пляжи, ты лишь привлечешь сюда толпы репортеров, которые начнут повсюду совать свой нос.

– И что с того? Ну приедут, поищут, не найдут ничего интересного и свалят обратно. Не думаю, что «Нью-Йорк таймс» заинтересует пикник на природе или ужин в загородном клубе.

– Нет, нам это не нужно! А вдруг они все-таки что-нибудь раскопают? Поднимется шум, а какая нам от него польза?

– Ларри, что они раскопают? Мне скрывать нечего. А тебе?

– Мне тоже. Я просто подумал... может... те изнасилования? Ну, или что-то подобное...

– Чушь, – сказал Броуди. – Все это в прошлом.

– Черт побери, Мартин! – Вон выждал минуту, пытаясь взять себя в руки. – Если не хочешь прислушаться к голосу разума, тогда, может, выслушаешь меня как друга? На меня сильно давят партнеры. Подобные события могут обернуться для нас большими неприятностями.

Броуди рассмеялся:

– Впервые слышу, что у тебя, Ларри, есть партнеры! Я-то думал, что ты управляешь своей конторой в одиночку, как император.

Вон смутился, как будто ляпнул лишнее.

– У меня непростой бизнес, – сказал он. – Временами я сам с трудом понимаю, что происходит. Мартин, прошу тебя, сделай как я прошу.

Броуди посмотрел на Вона, пытаясь понять его мотивы.

– Прости, Ларри, не могу. Это ведь моя работа.

– Если ты меня не слушаешь, – сказал Вон, – то можешь лишиться этой работы.

– Я не подчиняюсь тебе. Ты не можешь уволить ни одного полицейского в городе.

– Не из полиции, нет. Но веришь или нет, у меня есть определенные полномочия в отношении начальника местной полиции.

– Не верю.

Из кармана пиджака Вон вынул городской устав Эмити.

– Можешь сам прочитать, – сказал он, быстро листая устав. – Вот здесь, – он отыскал нужную страницу и протянул брошюру через стол Броуди, – по сути, здесь написано, что, хотя начальник полиции избирается жителями города, члены городского управления вправе сместить его с должности.

Броуди прочитал параграф, указанный Воном.

– Полагаю, ты прав, – сказал он. – Но мне хотелось бы знать, что ты тогда выдвинешь в качестве «веской и обоснованной причины»?

– Искренне надеюсь, что мне не придется этого делать. Никак не думал, что наш разговор зайдет так далеко. Я рассчитывал на то, что ты согласишься, зная мое личное мнение и мнение членов городского управления.

– Всех без исключения членов управления?

– Большинства.

– А поименно?

– Я не собираюсь тратить время на то, чтобы перечислять фамилии. И не обязан. Ты должен лишь понять: если не сделаешь так, как тебя просят, мы посадим на твое место того, кто будет более сговорчив.

Броуди еще никогда не видел Вона в таком агрессивном настроении. Это его слегка потрясло.

– Ты и в самом деле этого хочешь, Ларри?

– Да, – предчувствуя победу, ответил Вон ровным голосом. – Доверься мне, Мартин. Ты не пожалеешь.

Броуди вздохнул.

– Черт, – сказал он. – Лично мне все это не по душе. Дурно пахнет. Но ладно, раз это так важно...

– Важно, даже очень, – Вон улыбнулся, впервые за все время разговора. – Спасибо, Мартин, – сказал он и поднялся. – Теперь мне предстоит не слишком приятная миссия – навестить Футов.

– Интересно, как ты сможешь убедить их не проболтаться репортерам «Таймс» или «Ньюс»?

– Собираюсь напомнить им об общественном долге, – сказал Вон, – так же как напомнил тебе.

– Ничего не получится.

– Нам здесь сыграет на руку одна вещь. Эта мисс Уоткинс – просто никто, бродяга, скиталась там и сям. Нет ни семьи, ни близких друзей. Рассказывала, что приехала на Восточное побережье из Айдахо автостопом. Так что едва ли ее кто-нибудь хватится.

Броуди вернулся домой около пяти. Желудок его налачился, да так, что он смог позволить себе пару бокалов пива перед ужином. Эллен в розовой форме медсестры возилась с мясным фаршем на кухне.

– Привет, – сказала она, подставив Броуди щеку для поцелуя. – Что там произошло?

– Ты же была в больнице. Разве ничего не слышала?

– Нет. Сегодня был банный день для старушек. Больницу я не покидала.

– Погибла девушка. Недалеко от Олд-Милл-роуд.

– Как это произошло?

– Акула. – Броуди открыл холодильник и достал банку пива.

Эллен перестала месить фарш и пристально взглянула на него.

– Акула?! Ни о чем таком я раньше не слыхала. Иногда кто-то их здесь видел, но они никого не трогали.

– Да, знаю. Для меня это первый такой случай.

– Что же ты намерен делать?

– Ничего.

– Вот как? Это нормально? Ну, то есть, ты хоть что-то можешь предпринять?

– Естественно, я мог бы что-то сделать. Чисто формально. Но по сути – ничего. И неважно, что на этот счет думаю я или ты. Тот, кто стоит у власти, озабочен тем, как все это отразится на Эмити, если мы будем волноваться из-за того, что кто-то из приезжих погиб от рыбы. Они все уверены, что такое нападение – чистая случайность и что такого больше не повторится. Хотя, скорее, они хотят всю ответственность переложить на меня.

– Кого ты имеешь в виду – ну, из тех, кто стоит у власти?

– Ну, например, Ларри Вона.

– Ох. Не знала, что ты говорил с Ларри.

– Он пришел ко мне сразу же, как только узнал, что я собираюсь закрыть пляжи. И он, как бы это сказать, без особой деликатности убеждал меня, что не хочет, чтобы я закрывал пляжи. Заявил, что заменит меня кем-то другим, если я не послушаюсь.

– Не могу в это поверить, Мартин! Ведь Ларри не такой...

– Я бы тоже не поверил. Кстати, ты слышала что-нибудь о его партнерах?

– По бизнесу? По-моему, у него их нет. А Пенроуз – это просто его вторая фамилия или что-нибудь в таком роде. Я всегда считала, что вся компания принадлежит ему одному.

– И я тоже. Но, очевидно, это не так.

– Хорошо, что ты поговорил с Ларри, прежде чем принять решение. Он шире смотрит на некоторые вещи. И лучше знает, как поступить.

Броуди почувствовал, как к вискам прилила кровь.

– Чушь все это, – сказал он. Потом, оторвав жестяное ушко от жестяной банки с пивом, швырнул его в мусорный бачок. И отправился в гостиную слушать вечерние новости.

Из кухни Эллен крикнула:

– Совсем забыла сказать: недавно тебе звонили.

– Кто?

– Не знаю, не представился. Просто попросил передать тебе, что ты отлично работаешь. Как мило с его стороны, не правда ли?

Глава 4

В последующие несколько дней погода оставалась ясной и необычайно тихой. С юго-запада все время дул легкий бриз, от которого поверхность океана покрывалась рябью, но не пенилась. Свежесть в воздухе ощущалась только ночью, а после целой череды солнечных дней хорошо прогрелись земля и песок.

Воскресенье выпало на двадцатое июня. Муниципальным школам предстояло работать еще неделю или больше, но частные школы в Нью-Йорке своих подопечных уже отпустили. Семьи, владеющие собственными домами в Эмити, уже с начала мая начали приезжать сюда на выходные. Летние жильцы, снимающие в Эмити жилье с пятнадцатого июня по пятнадцатое сентября, уже распаковали вещи, выяснили, где есть бельевые шкафы, а где нет, кому достался хороший сервис, а кому – кровать помягче. В общем, они начинали чувствовать себя как дома.

К полудню пляж у Скотч- и Олд-Милл-роуд уже пестрел народом. Мужья дремали, разлегшись на пляжных полотенцах, набираясь сил перед дневной партией в теннис и возвращением в Нью-Йорк на экспрессе «Кэнноболл». Жены, удобно устроившись в алюминиевых шезлонгах, читали Элен Маккиннес, Джона Чивера и Тэйлора Колдуэлла, то и дело прерываясь на глоток холодного вермута.

Подростки лежали плотными, симметричными рядами. Мальчики наслаждались тем, как их ягодицы трутся о песок, беспокоились о том, не сильно ли выступают пенисы сквозь плавки, и вытягивали шеи, украдкой поглядывая на девчонок, лежавших на спине с раскинутыми в стороны ногами.

Они не разделяли новомодных взглядов. Они не произносили тривиальных речей о мире или о загрязнении окружающей среды, о справедливости или протестах. Привилегии они приобрели вместе с генами: голубые или карие глаза, а также вкусы и взгляды были predeterminedены предыдущими поколениями. Они не страдали ни авитаминозом, ни малокровием. Их зубы, то ли от природы, то ли благодаря отличной ортодонтии, были прямыми, белыми и ровными. Они были стройными и крепкими, поскольку с девяти лет занимались боксом, с двенадцати – верховой ездой, а потом еще и теннисом. У них не было дурного запаха. Если кто-то потел, то от девушек исходил легкий аромат духов, а от юношей – просто аромат чистого тела.

И ничто не указывало на то, что эти юноши и девушки глупы или порочны. Если бы можно было определить совокупный коэффициент их умственного развития, то могло оказаться, что по своим природным данным они вполне могут войти в те самые десять процентов лучших представителей земного населения. Они учились в школах, где освещались злободневные вопросы: в том числе особенности национальных меньшинств, экологические проблемы, революционные философские учения, тактика политической борьбы, проблемы наркотиков и секса. Так что в интеллектуальном плане знали они немало. Но на практике предпочитали свои знания наружу не выставлять. Они считали (ну, или чувствовали), что окружающий мир никак не связан и не зависит от них. И, по сути, были правы. Ничего их не трогало: ни расовые бунты в Трентоне (Нью-Джерси) или в Гэри (Индиана); ни то, что местами великая Миссури настолько загрязнена, что поверхность воды может воспламениться; ни полицейская коррупция в Нью-Йорке; ни рост числа убийств в Сан-Франциско; ни такие скандальные вещи, как, например, то, что в хот-догах обнаружены личинки насекомых и гексахлорофин, и что все это вызывает заболевание мозга. Они даже равнодушно относились к экономическим спазмам, сотрясающим Америку. Нестабильность фондовых рынков, если они вообще обращали на это внимание, была для них лишь досадным нюансом, а отцы в этом случае лишь сетовали на расточительность тех, кто играет на бирже.

Вот такие люди и приезжали в Эмити каждое лето. Другие же – а среди них встречались и просто бродяги – устраивали шествия, ныли и зудили на разные темы, собирались, подпи-

сывали всякие воззвания и работали летом в различных социальных группах со сложными аббревиатурами. Но поскольку они в целом отвергали Эмити и лишь изредка являлись сюда в выходные на День труда, то и к ним всерьез никто не относился...

А дети играли в песке, у самой воды, рыли ямки и швыряли друг в друга комьями из мокрого песка. Они просто веселились, им было все равно, что сейчас творится вокруг и что с ними станет в будущем.

Один мальчик лет шести бросал в воду плоские камешки, и те подпрыгивали на поверхности. Потом, когда это занятие ему надоело, он подошел к тому месту, где дремала его мать, и присел рядом с ее полотенцем.

– Эй, мам, – проговорил он, чертя пальцем какие-то узоры на песке.

Женщина повернулась к нему, прикрыв ладонью глаза от солнца.

– Что такое?

– Мне скучно.

– То есть как это скучно? Но ведь еще даже июль не наступил.

– Ну и что. Все равно скучно. Здесь нечего делать.

– Но ведь в твоём распоряжении целый пляж!

– Знаю. Но мне здесь нечего делать. Поэтому и скучно.

– Ну, хорошо, поиграй в мяч! Не знаю...

– Но с кем? Здесь ведь никого нет.

– Да здесь целая куча народу! Ты видел Харрисов? Или хотя бы Томми Конверса?

– Здесь их нет. Никого нет. Мне скучно.

– О, господи, Алекс!

– Можно мне искупаться?

– Нет. Вода слишком холодная.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. И потом... не могу же я отпустить тебя одного!

– Пойдем вместе!

– Купаться? Ну уж нет!

– Ну, ты хотя бы просто побудешь рядом.

– Алекс, твоя мама страшно устала. Неужели ты не найдешь, чем себя занять?

– Ну, а на надувном матрасе можно поплавать?

– Где?

– Да здесь, рядом. Прямо у самого берега. Купаться я не полезу. Просто полежу на матрасе.

Его мать села и надела солнечные очки. Потом внимательно осмотрела пляж. В нескольких десятках ярдов от них по пояс в воде стоял мужчина с ребенком на плечах. Женщина взглянула на него, и ей вдруг стало себя жалко: ведь рядом не было мужа, которому можно было бы поручить такое важное дело – поиграть с ребенком.

Едва женщина перевела взгляд на сына, как тот уже сообразил, о чем она думает.

– Могу поспорить, что папа разрешил бы, – уверенно сказал он.

– Алекс, сынок, пора бы тебе уж знать, что это не лучший способ уговорить меня. – Она снова посмотрела на пляж, на этот раз – в другую сторону. Он был пуст, за исключением всего нескольких пар, расположившихся вдалеке. – Ну, хорошо, – кивнула она. – Так и быть, ступай. Только не заплывай слишком далеко. И в воду не окунайся. – Она пристально посмотрела на мальчика и, чтобы придать строгости своим словам, даже опустила очки.

– Ладно, – ответил он. Встал, схватил резиновый матрас и поволок к воде. Потом поднял его и, держа на вытянутых руках перед собой, зашел в воду. Когда вода дошла ему до пояса, он лег на него. Набежавшая волна подхватила матрас вместе с мальчиком. Мальчик улегся поудобнее и принялся равномерно грести обеими руками, а его ноги по щиколотку свисали с

края матраса. Он проплыл вперед несколько ярдов, потом повернул и стал грести вдоль берега. Но не заметил, как слабое течение потихоньку относит его в океан...

Примерно в пятидесяти ярдах от берега дно океана уходило вниз, не так резко, как в том же каньоне, а где-то под углом от десяти до сорока пяти градусов. Там, где дно шло под уклон, глубина составляла футов пятнадцать. Немного подалеже она достигала двадцати пяти, затем сорока, а потом и пятидесяти футов. На глубине ста футов дно было ровное и оставалось таким где-то с полмили. А потом, в миле от берега, снова поднималось к поверхности, почти касаясь ее. Дальше, за мелководьем, дно снова опускалось до двухсот футов, после чего начинались уже настоящие океанские глубины.

На глубине тридцати пяти футов, слегка взмахивая хвостом, медленно плыла огромная рыба. Она ничего не видела, поскольку вода была мутной от водорослей и мельчайших растительных организмов. Рыба двигалась вдоль берега. Потом она повернула и, слегка накренившись, начала постепенно подниматься к поверхности. Вода посветлела, но рыба по-прежнему ничего не видела.

Мальчик отдыхал. Его локти и ступни то и дело захлестывала набегающая волна. Он повернул голову в сторону берега, заметив, что его отнесло гораздо дальше, чем обычно разрешала мать. Он видел, что она лежит на расстеленном полотенце, а мужчина играет с ребенком на мелководье. Мальчик не испугался, ведь вода была спокойной, а от берега он все-таки отплыл не так уж далеко, всего ярдов на сорок. Но ему захотелось все же подплыть поближе, иначе мать могла заметить и рассердиться. Мальчик немного сместился назад, свесив с матраса ноги. Руками он греб почти бесшумно, но вот ногами беспорядочно колотил по воде, оставляя позади целый вихрь пузырей и пены.

Огромная рыба не слышала звука, но зато фиксировала резкие, порывистые толчки от ног мальчика. Это были для нее сигналы, пока довольно слабые, но рыба засекала их и начала движение в ту сторону, откуда шли эти сигналы. Поднималась она к поверхности сначала медленно, но, по мере того как сигналы становились более отчетливыми, набирала скорость.

Мальчик ненадолго остановился, чтобы передохнуть. Сигналы прекратились. Рыба замедлила движение, вертя головой и пытаясь вновь уловить их. Мальчик лежал не шевелясь, и рыба прошла под ним, всколыхнув песок на дне. Потом развернулась.

Мальчик продолжил свое плавание. Ногами он ударял по воде только через три-четыре гребка руками. Вообще, ноги уставали быстрее. Однако даже эти, более редкие удары посылали рыбе новые сигналы. Теперь она засекала их сразу же, поскольку находилась почти точно под мальчиком. Рыба устремилась вверх, почти вертикально, поскольку явственно ощутила движение на поверхности воды. Не было никакой уверенности, что то, что дергается там, наверху, сойдет за добычу, но сейчас ей было неважно. Рыба настроилась на атаку. Если то, что она вот-вот проглотит, съедобно, значит, это добыча, ну, а если нет, – что ж, она потом отрыгнет. Разинув пасть, она еще раз взмахнула серповидным хвостом...

Последнее – и единственное, – что почувствовал мальчик, был сильнейший удар в живот. Дыхание мгновенно перехватило. Он не успел даже вскрикнуть, а если бы и успел, то не знал бы, что кричать, ведь не видел рыбы. Голова рыбы с чудовищной силой вытолкнула матрас из воды. Челюсти сомкнулись, заглатывая голову, руки, плечи и туловище мальчика и большую часть матраса. Рыба, выскочив из воды почти наполовину, пролетела вперед, потом плюхнулась обратно в воду, перемалывая чудовищными челюстями плоть, кости и резину. Оторванные от туловища ноги мальчика, медленно вращаясь, опускались на дно.

Мужчина, игравший с ребенком в воде у пляжа, воскликнул:

– Эй!

Он не мог поверить собственным глазам. Он, словно прикованный, смотрел в сторону океана, потом хотел было перевести взгляд, однако его внимание привлек могучий всплеск. Однако там он уже ничего не увидел, кроме расходившихся кругами волн.

- Ты видел это? – закричал он. – Ты видел?
- Что, папочка, что? – спросил ребенок, возбужденно поглядывая на него.
- Вон там! То ли акула, то ли кит! Но что-то огромное!

Мать мальчика, лежавшая на пляже в полудреме, открыла глаза и покосилась на мужчину. А тот, показывая на воду, что-то сказал ребенку, и тот побежал по песку к груде одежды. Мужчина бросился к матери мальчика. Женщина присела и никак не могла понять, о чем он говорит, но тот все показывал на воду, и тогда она, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на океан. Она ничего там не увидела, и сперва это нисколько ее не удивило. Потом она вспомнила и позвала:

– Алекс!..

* * *

Броуди обедал. На обед была жареная курица и картофельное пюре с горошком.

– Картофельное пюре, – с укоризной проговорил он, когда Эллен поставила перед ним тарелку. – Ну вот что ты со мной делаешь?

– Просто не хочу, чтобы ты осунулся. Кроме того, полнота тебя не испортит.

Зазвонил телефон.

– Я возьму, – сказала Эллен. Но Броуди жестом остановил ее. Так всегда и было. Она говорила, что возьмет трубку, но к телефону подходил он. И примерно то же самое происходило, когда она забывала что-нибудь на кухне. Так, например, она говорила: «Я забыла салфетки. Сейчас принесу». Но при этом оба знали, что пойдет за ними Броуди.

– Да ничего, не надо, – сказал Броуди. Он произнес это машинально, хотя понимал, что могли позвонить и ей.

– Говорит Биксби, шеф.

Как оказалось, звонили из полицейского участка.

– Что там у тебя, Биксби?

– Думаю, вам лучше сюда приехать.

– Что стряслось?

– Ну, тут такое дело, шеф... – Вдаваться в детали Биксби явно не хотелось. Броуди услышал, как он что-то сказал кому-то рядом, потом снова поднес трубку поближе: – У меня тут женщина в истерике, шеф...

– Почему она в истерике?

– Ее ребенок... Там, на пляже.

У Броуди внутри похолодело.

– Что случилось?

– В общем... – Биксби замялся, потом буркнул: – Четверг.

– Послушай, ты, кретин... – Броуди осекся на полуслове. Теперь до него дошло. – Сейчас буду. – Он повесил трубку.

Его бросало то в жар, то в холод, как при лихорадке. Страх, чувство вины, ярость – все слилось в единый приступ боли. Он вдруг понял, что его обманули и предали, но при этом и сам ощущал себя предателем и обманщиком. Поневоле он стал преступником. Придется теперь брать на себя вину, но ведь виноват не он один. Виноват также Ларри Вон и его партнеры, если таковые есть. Он хотел поступить так, как нужно, но его вынудили не делать этого. Что же он за коп, если не смог дать отпор Вону? Он обязан был закрыть пляжи!

Предположим, он бы их закрыл. А рыба уплыла бы, скажем, к Истгемптону. И прикончила бы там кого-нибудь. Но все произошло не так. Доступ на пляжи остался свободным, и из-за этого погиб ребенок. Все ясно и просто. Причина и следствие. Броуди вдруг почувствовал к себе отвращение. И в то же время ему стало себя жалко...

- Что произошло? – спросила Эллен.
- Только что погиб ребенок.
- Как?
- Опять эта чертова акула.
- О нет! Если бы ты закрыл пляжи... – Смутившись, она запнулась.
- Да, знаю!

Когда приехал Броуди, Гарри Медоуз уже ожидал его на парковке за полицейским участком. Он открыл переднюю дверцу и уселся рядом с Броуди.

- Многовато для чистой случайности, – проговорил он.
- Да уж... Кто приехал, Гарри?
- Один парень из «Таймс», двое из «Ньюсдей». Один из моих сотрудников. И еще женщина. Да еще тот мужчина, который якобы видел, как все произошло.
- Из «Таймс»?! Они-то здесь какими судьбами?
- Неудачное стечение обстоятельств. Парень из «Таймс» был как раз на пляже. Там же был и репортер из «Ньюсдей». Оба приехали на выходные. Примчались тут же, и двух минут не прошло.

- Когда это случилось?

Медоуз посмотрел на часы.

- Пятнадцать-двадцать минут назад. Не больше.
- Они в курсе, что случилось с мисс Уоткинс?
- Не знаю. Мой парень-то знает, но он не из болтливых. Что касается остальных – все зависит от того, с кем они поговорили. Не думаю, что они знают. На то, чтобы где-то копать, у них попросту не было времени.

- Ну, рано или поздно они докопаются.

- Знаю, – сказал Медоуз. – Это поставит меня в довольно трудное положение.

- Тебя?! Шutiшь, что ли?

- Нет, серьезно, Мартин. Если кто-нибудь из «Таймс» все раскопает, то статью напечатают уже в завтрашнем номере, вместе с сообщением о сегодняшнем нападении акулы. Тогда у «Лидера» будет весьма бледный вид. Поэтому я собираюсь воспользоваться этим случаем и сделать репортаж. Пусть даже другим до этого нет дела.

- Как ты собираешься им воспользоваться, Гарри? Что ты хочешь написать?

- Пока не знаю. Говорю же, что я в довольно затруднительном положении.

- Кого же ты собираешься вывести на чистую воду. Кто, по-твоему, пытался замять историю? Ларри Вон?

- Нет, едва ли.

- Я?

- Нет, нет. Я не буду писать о том, что кто-то распорядился замять это дело. Никакого сговора не было. Хочу поговорить с Карлом Сантосом. Если получится убедить его сказать то, что нужно, то тем самым мы избежим массы неприятностей.

- А что, если написать правду?

- Что именно?

- Что, если написать все, как было? О том, что я хотел закрыть пляжи и предупредить людей, но члены городского управления не согласились. И еще о том, что я струсил, не смог рискнуть своей работой, что пошел у них на поводу. Написать, что местные начальники настаивали на том, что нет оснований будоражить людей просто потому, что в местных водах появилась акула, которой нравится поедать детей!

- Хватит, Мартин. Ты не виноват. Да и никто не виноват. Мы приняли решение, рискнули... Ну и... проиграли. Только и всего.

– Звучит потрясающе. Остается только пойти к матери того ребенка и сказать, что, типа, мы очень сожалеем, что ее сына превратили в гуляш.

Броуди вылез из машины и направился к задней двери полицейского участка. Медоуз, с трудом выбравшись из машины, плелся в нескольких шагах позади.

Броуди остановился.

– Знаешь, что мне хотелось бы знать, Гарри? Кто принял такое решение? Ты подмахнул. Я подчинился. Не думаю, что все решил Ларри Вон. Наверное, он тоже кому-то подчинился.

– Почему ты так считаешь?

– Так... Есть кое-какие соображения. Тебе известно что-нибудь о его партнерах по бизнесу?

– Но ведь у него нет никаких партнеров, разве не так?

– Вот и я о том же. Ладно, пока забудем об этом. – Броуди сделал еще один шаг, Медоуз – тоже. – Ты лучше войди через главный вход...

Броуди вошел в кабинет через заднюю дверь.

У его стола сидела мать мальчика и комкала в руке носовой платок. На плечах у нее был короткий халат, из-под которого виднелся купальник. Броуди заметил, что она босиком, и снова ощутил приступ вины. Плачет она или нет, было непонятно, поскольку ее глаза закрывали большие круглые солнечные очки.

У дальней стены стоял мужчина. Броуди предположил, что это и есть тот самый свидетель. Мужчина безучастно разглядывал коллекцию памятных «реликвий» на стенах: благодарственные письма от общественных организаций, совестные фотографии с высокопоставленными посетителями. Едва ли подобные вещи могли произвести впечатление на взрослого человека, но уж лучше глазеть на стены, чем пытаться заговорить с сидевшей в кабинете несчастной женщиной.

Броуди никогда не считал себя специалистом по утешению убитых горем людей, поэтому лишь представился и начал задавать вопросы. Женщина сообщила, что ничего такого не заметила: в какой-то момент ее сынишка плыл на матрасе, а потом вдруг исчез. «И потом я увидела лишь куски матраса».

Ее голос был тихим, но ровным. Потом мужчина рассказал о том, что видел он. Ну, или о том, что ему показалось...

– Получается, что на самом деле акулу никто не видел, – сказал Броуди, и в глубине души у него затеплилась надежда.

– Нет, – кивнул мужчина. – Вроде нет. Хорошо, а что еще могло там быть?

– Ну, мало ли... – Броуди понимал, что лжет и самому себе, и этим людям, втайне рассчитывая, а вдруг найдется какая-нибудь правдоподобная версия... – Матрас мог сдуться, а мальчик... просто утонуть.

– Но ведь Алекс хорошо плавает, – возразила женщина. – Или... плавал...

– А как же тот громкий всплеск? – вмешался мужчина.

– Мальчик мог барахтаться в воде.

– Он ни разу не вскрикнул. Не издал ни звука.

Броуди понял, что все напрасно.

– Ладно, – сказал он. – Скоро мы все выясним.

– Что вы хотите сказать? – спросил мужчина.

– Как вам сказать? Так или иначе, тех, кто погибает в воде, обычно где-нибудь выбрасывает на берег. Если на него напала акула, то ошибиться будет трудно. – Плечи женщины бессильно опустились, и Броуди выругал себя за столь неуклюжее разъяснение. – Простите, – сказал он.

Женщина покачала головой и заплакала.

Броуди попросил ее и мужчину немного подождать в кабинете, а сам вышел из участка. Медоуз стоял в дверях, прислонившись к стене. Стоявший рядом худощавый молодой человек энергично жестикулировал и о чем-то активно его расспрашивал. Видно, репортер из «Таймс», догадался Броуди. На молодом человеке были сандалии, плавки и рубашка с короткими рукавами. Слева на груди у него красовалась эмблема в виде аллигатора. Из-за этой эмблемы Броуди почему-то сразу невзлюбил репортера. Раньше, еще в юности, такие рубашки вызывали у Броуди ощущение благополучия и прочного социального положения. Их носили все курортники. Броуди долго упрашивал мать достать ему такую же, и та, наконец, купила. По ее словам, это «двухдолларовая рубашка с шестидолларовой ящерицей», но когда он заметил, что курортники вовсе не принимают его за «своего», ему стало обидно. Он отодрал эмблему аллигатора с кармана, а рубашку превратил в тряпку и стал протирать газонокосилку. Летом он немного подрабатывал стрижкой газонов. А совсем недавно Эллен приобрела несколько сорочек того же производства, надеясь, что это хоть как-то поможет вернуться в ту среду, из которой она вышла. И однажды вечером Броуди – к собственному ужасу – начал попрекать Эллен за покупку «десятидолларового платья с двадцатидолларовой ящерицей»...

На скамейке сидели двое мужчин. Это были репортеры из «Ньюсдей». Один был в плавках, другой – в пиджаке и спортивных брюках. Репортер Медоуза – Броуди вспомнил, что, кажется, его звали Нэт, – прислонившись к краю стола, болтал о чем-то с Биксби. Заметив Броуди, оба замолчали.

– Чем могу помочь? – спросил Броуди.

Молодой человек, стоящий рядом с Медоузом, выступил на шаг вперед:

– Меня зовут Билл Уитмен. Я из «Нью-Йорк Таймс».

– Ну и? – спросил Броуди, а в голове мелькнуло: «И что теперь? Провалиться на месте, что ли?»

– Я был на пляже.

– Что вы там видели?

Тут его перебил один из репортеров «Ньюсдей»:

– Ничего. Я там тоже был. Никто ничего не видел. Кроме того мужика, который сейчас сидит в вашем кабинете. Он утверждает, что что-то видел.

– Знаю, – сказал Броуди, – только вот он не уверен, что именно он видел.

– А как вы запишете в протоколе – нападение акулы? – спросил репортер из «Таймс».

– Пока никак. И предлагаю вам тоже ничего не предпринимать, пока хоть что-нибудь не прояснится.

Человек из «Таймс» улыбнулся.

– Хватит, шеф. Чего вы от нас хотите? Назвать это загадочным исчезновением? Заметка о потерявшемся в океане мальчике?

Броуди стоило немалых усилий, чтобы резко не ответить на остроты репортера из «Таймс».

– Послушайте, мистер Уитмен, – не так ли? – сказал он. – У нас нет свидетелей, которые видели что-нибудь, кроме всплеска. Мужчина у меня в кабинете уверяет, будто видел огромное серебристое тело, и считает, что это акула. Правда, он говорит, что раньше никогда живой акулы не видел, поэтому его слова нельзя считать экспертными показаниями. Трупа нет, нет никаких доказательств того, что совершено жестокое нападение... Ну, то есть нам лишь известно, что он исчез. Возможно, утонул. Может, с ним приключился приступ или припадок. И, если уж на то пошло, на него могла напасть какая-нибудь рыба или животное. Или даже человек. И пока мы не получим...

Броуди перебил скрежет шин по гравию на общественной парковке. Хлопнула дверца, и в полицейский участок – в одних плавках – вбежал Лен Хендрикс. Его тело с налипшими

на него серовато-белыми песчинками было такого же цвета, как стаканчик для кофе из стирофома. Он резко остановился и растерянно посмотрел на Броуди.

– Шеф...

– Ты что же, купался, Леонард? – спросил Броуди, пораженный его видом.

– Еще одно нападение! – с трудом выговорил Хендрикс.

Репортер из «Таймс» тут же спросил:

– А когда было первое?

Прежде чем Хендрикс успел ответить, вмешался Броуди:

– Мы как раз обсуждали это, Леонард. Не хочу, чтобы ты и кто-нибудь еще делал поспешные выводы. Прежде надо убедиться, что произошло на самом деле. Черт побери, ведь мальчик мог просто утонуть!

– Мальчик? – переспросил Хендрикс. – Какой еще мальчик? Я говорю про мужчину, про старика. Это случилось всего пять минут назад. Он вошел в воду, потом вдруг как заорет! Голова его скрылась под водой, потом вынырнула, он снова вскрикнул и снова исчез. Вода вокруг бурлила и стала красной от крови. А рыба отплывала и потом снова набрасывалась на него, и так несколько раз. В жизни не видал такой здоровенной акулы. Она размером, наверное, с целый фургон! Я забежал в воду по пояс, пробовал его вытащить, но рыба еще не отстала от него. – Хендрикс замолчал, опустив глаза. Дышал он тяжело и прерывисто. – Потом она все-таки уплыла, не знаю. Я подобрался поближе. Старик лежал на воде лицом вниз. Схватив его за руку, я потянул...

– А дальше? – нетерпеливо спросил Броуди.

– Она... оторвалась! Рыба, наверное, откусила ее, но не до конца, и рука болталась на куске кожи...

Хендрикс поднял голову. Глаза у него покраснели от изнеможения и ужаса.

– Что, тошнит? – спросил Броуди.

– Вроде нет.

– «Скорую» вызвал?

Хендрикс замотал головой.

– «Скорую»? – переспросил репортер из «Таймс». – Это все равно что запирать конюшню после того, как из нее сбежала лошадь.

– Лучше заткнись, умник! – сказал Броуди. – Биксби, позвони в больницу. Леонард, есть работенка, ты не против? – Хендрикс утвердительно кивнул. – Ты накинь на себя что-нибудь и потом сходи поищи на складе или еще где-нибудь щиты с надписями о закрытии пляжей.

– А у нас разве такие есть?

– Откуда я знаю? Должны быть, наверное. Возможно, в кладовке рядом с табличками: «Имущество под охраной полиции». Если щитов нет, то придется тогда самим сделать несколько штук. Мне плевать как, но эти чертовы пляжи надо закрыть.

Утром в понедельник Броуди приехал на работу сразу после семи.

– Раздобыл? – спросил он у Хендрикса.

– У вас на столе.

– И как, сгодится? Ладно, сейчас сам посмотрю.

– Долго искать не придется...

На столе у Броуди лежал свежий номер «Нью-Йорк Таймс». На первой странице в правом крайнем столбце, почти в самом низу, он увидел заголовок:

ДВЕ ЖЕРТВЫ АКУЛЫ НА ЛОНГ-АЙЛЕНДЕ

Выругавшись, Броуди принялся читать:

Уильям Ф. Уитмен, специальный корреспондент «Нью-Йорк Таймс».

«Эмити, Лонг-Айленд, 20 июня. Сегодня шестилетний мальчик и шестидесятипятилетний мужчина стали жертвами нападений акулы. Оба нападения совершены в течение часа вблизи одного из пляжей этого курорта.

Хотя тело мальчика, Александра Кинтнера, обнаружено не было, официальные лица утверждают, что он, вне всякого сомнения, стал жертвой акулы. По показаниям свидетеля Томаса Дагера из Нью-Йорка, нечто огромное серебристого цвета выскочило из воды, накинулось на мальчика с его надувным матрасом и плюхнулось обратно в воду.

Судебный следователь Эмити, Карл Сантос, сообщил, что на выловленных позже кусках матраса обнаружены следы крови. Это позволяет сделать вывод о том, что мальчик умер насильственной смертью.

Не менее пятнадцати человек стали свидетелями нападения на шестидесятипятилетнего Морриса Кейтера, которое произошло приблизительно в два часа дня в четверти мили от места нападения на маленького Кинтнера.

Очевидно, в момент нападения акулы мистер Кейтер находился в воде совсем недалеко от берега. Он звал на помощь, но все попытки спасти его оказались безуспешны.

«Я зашел в воду по пояс и попытался его вытащить, – рассказывает полицейский Леонард Хендрикс, который в тот момент находился на пляже, – но рыба все кидалась и кидалась на него!»

Мистер Кейтер, представитель оптовой фирмы по торговле ювелирными изделиями (6-я авеню, 1224) был доставлен в Саутгемптонскую больницу. Там же была официально зафиксирована его смерть.

Это единственные документально подтвержденные случаи нападения акулы на людей на Восточном побережье за последние двадцать с лишним лет.

По мнению доктора Дэвида Дайетера, ихтиолога нью-йоркского Аквариума на Кони-Айленде, логично предположить, – хотя и нельзя утверждать наверняка, – оба нападения совершены одной акулой.

«В это время года в местных водах, – заявил репортеру Дайетер, – акул довольно мало. И вообще в любое время года они редко подплывают так близко к берегу. Вероятность того, что у одного пляжа могут одновременно оказаться две акулы и каждая из них на кого-нибудь нападет, просто ничтожна!»

Прослышав, что один из свидетелей, описывая размеры акулы, напавшей на Кейтера, сравнил ее с автофургоном, Дайетер заявил, что, по-видимому, речь идет о большой белой акуле (*Carcharodon carcharias*). Этот вид известен во всем мире своей прожорливостью и агрессивностью.

«В 1916 году, – продолжал доктор, – всего за один день большая белая растерзала четырех купальщиков у берегов Нью-Джерси. Это всего лишь второй официально зарегистрированный в США случай в этом столетии, когда нападению одной акулы подверглось сразу несколько человек. Нападение акулы Дайетер назвал таким же «несчастьем, как и удар молнии в дом. Акула, судя по всему, проплывала мимо. День был солнечный, купающихся собралось на пляже много, а хищница просто оказалась поблизости. Короче, это нападение – чистая случайность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.